

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 5

Редакционная коллегия серии

член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков (председатель),
к.и.н. К. Н. Гаврилов, к.и.н. В. А. Завьялов, к.и.н. С. Д. Захаров,
к.и.н. А. Р. Канторович, к.и.н. Н. А. Кренке, к.и.н. Н. В. Лопатин,
д.и.н. А. А. Масленников (зам. председателя), д.и.н. М. В. Шуньков,
к.и.н. А. В. Энговатова (зам. председателя)

Москва 2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л.А. Беляев

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ
И ПЕРСОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ
МЕТОДАМИ АРХЕОЛОГИИ

Москва 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
Б44

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук А.А. Масленников

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
член-корреспондент РАН Н.А. Макаров,
кандидат исторических наук А.В. Энговатова

Беляев Л. А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: Институт археологии РАН, 2011. 56 с.: ил.
ISBN 987-5-94375-119-6

Методическое пособие продолжает серию, издаваемую Институтом археологии. Оно основано на опыте исследований исторических некрополей России позднего Средневековья и Нового времени (XVI – начало XX вв.), в основном при городских церквях и в монастырях. Освещена современная практика работ в России и за рубежом. Приведены рекомендации по всему циклу, от архивного поиска до публикации выводов. Обозначены этические нормы (исходя из погребальной традиции православной Церкви и канонического права). Сформулированы главные принципы научного подхода к идентификации погребений. Пособие рассчитано как на опытных археологов-профессионалов, так и тех, кто впервые работает по Открытому листу.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 987-5-94375-119-6

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Л.А. Беляев, 2011

“...и когда кто из обходящих землю увидит кость человеческую,
то поставит возле нее знак, доколе погребатели не похоронят ее....”

Иез.39:15

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

1.1. *Определение термина*

Слово некрополь (греч. *некрополис* – «город мертвых») употребляется в России с XIX в.: (1) в генеалогическом смысле (список погребенных на кладбище с их краткими биографиями, пример: [Саитов, Модзалевский, 1907–1908] и др.); (2) как синоним слова «кладбище», в самом общем значении (см.: «В настоящее время название некрополь нередко дается большим городским кладбищам» [Некрополь, 1897. С. 862]).

В данном пособии использован второй вариант, но с некоторыми уточнениями. Под историческими некрополями (ИН) здесь понимаются кладбища XVI, XVII, XVIII и XIX- начала XX вв. (в редких случаях они могут иметь субстратные погребения XIV–XV вв. и даже более ранние). ИН являются «историческими» не только как «поздние», но также потому, что погребенные на них лица упомянуты в письменных источниках или известны по иным документам (топографическим планам, рисункам, фотографиям). К ИН относим и кладбища, в источниках не отраженные, если к моменту раскопок они частично сохраняют внешнюю структуру: их история может быть определена благодаря эпитафике, путем опроса ныне живущих людей, обращения к архивам масс-медиа и другими методами.

В силу этого к ИН мы причисляем также: (1) погребения вне кладбищ, представляющие интерес для истории (пример: захоронение убитых членов семьи царя Николая II (Романова); (2) массовые (братские) захоронения XVIII – начала XX в. (пример: могилы эпохи Наполеоновских войн, изученные в Калининграде); (3) военные кладбища вплоть до Первой мировой войны (пример: Всехсвятское кладбища на Песках в Москве).

Данным пособием не учитываются возможности археологических работ с более поздними захоронениями и работ на современных официально действующих некрополях. Если на исследуемых участках случайно (в ходе строительных и иных вскрытий) обнаруживаются погребения, совершенные после 1917 года, организаторы работ обязаны придерживаться норм законодательства, помещенных в Приложении к данному пособию в качестве справочного материала.

1.2. *Особенности пособия*

Пособие основано на опыте исследований христианских позднесредневековых кладбищ в селах и городах, прежде всего в Москве (обычно на церковных участках,

внутри церквей и в монастырях) и во многом исходит из православной традиции отношения к погребению.

Пособие, однако, можно использовать (применительно) при исследовании ИН иудейских и мусульманских, поскольку эти вероисповедания относятся к кругу авраамических, на их кладбищах господствуют типологически близкие формы погребения и его маркировки¹ [Смирнов Ю.А., 1997. С. 113–125]. В силу этого, приемы исследования должны быть методически едиными. Применение базовых принципов данного пособия не исключено и для ИН других религий, практикующих устойчивое трупоположение на специально отведенных для этого участках.

В известных автору методических пособиях для археологов, изданных до начала XXI в., ИН как особый род археологического объекта не выделялся. Описаний необходимых процедур для научной и легально обоснованной работы на нем археолога (по Открытому листу и с набором дополнительно необходимой разрешительной документации) не существовало. Попытки ввести методы описания хотя бы наземных памятников этого периода [Компанец, 1990] продолжения не имели и в практике используются крайне эпизодически. В сборнике по методике музеефикации погребений Вознесенского монастыря в Кремле [Панова, 2009] задача сужена до анализа ранее извлеченных из земли саркофагов, инвентаря и останков. Вопрос раскопок на типовой ИН там не затронут, но для решения вопросов реставрации, атрибуции вещей, антропологического исследования сборник важен. То же можно сказать о зарубежных пособиях для археологов: они отражают в основном работу с наземной частью кладбища [Jones, 1984] или подход антрополога; полезная зарубежная информация по методике поведения археолога на кладбище может быть, однако, получена из интернета (сайт “Spoilheap archaeology”, Англия).

1.3. Археологизация исторических некрополей

Значительная часть ИН была оставлена и забыта, по различным причинам, еще в средневековье (например, многие кладбища Подмосковья [Алексеев, 2008]). Многие закрыты и уничтожены (или существенно повреждены) в ходе «атеистических мероприятий» середины XX в. В Москве это кладбища многих монастырей (Данилова, Вознесенского, Симонова, Новоспасского, Покровского) и некоторые городские (например, Лазаревское: [Козлов, 2008. С. 547–568]²). «Выводить» кладбища путем простейшей эксгумации власти города полагали возможным еще в конце прошлого столетия, иногда даже с музейной территории (к Олимпиаде 1980 г. был выведен ИН при церкви Иоанна Предтечи в с. Дьяково).

---

¹ Как известно, художественная и материальная культуры этих религий также во многих отношениях родственны, см.: [Беляев, 2009] и другие статьи в том же сборнике.

² В.Ф. Козловым опубликованы многочисленные работы, посвященные московским кладбищам и истории их разрушения. На его кафедре региональных исследований и краеведения (Историко-архивный институт РГГУ) ведется усиленная разработка методических аспектов охраны и изучения ИН.

Причина такого отношения – в глубоком надломе культурной традиции, характерном для социальной психологии в России второй-третьей четверти XX в. Атеистическая концепция мироустройства, исходившая из принципиального разрыва с культурой прошлого, включала идею физического бессмертия человека, достижимого если не прямо сегодня, то в обозримом будущем. Смерть и погребение останков признавались разумными и необходимыми только как временное явление, как неизбежная ритуальная жертва жизней в борьбе за скорое наступление «светлого будущего». Яркие проявления такого подхода – статусные некрополи (Мавзолей, Кремлевская стена, новое Новодевичье кладбище). Забота о прочих кладбищах воспринималась в лучшем случае как санитарная мера (общая библиография и подробности см.: [Беляев, 2005а. С. 30, 31. Прим. 5; С. 39–41]). Если старое кладбище попадало в зону строительства или новой инфраструктуры, котлованы и траншеи вели, не сомневаясь в своей правоте, вдоль и поперек «поздних» могил.

1.4. Особенности исторических некрополей как объектов археологии

Главная особенность ИН – их тесная и прямая (более тесная и прямая, чем это свойственно объектам археологии) связь с ныне живущими. Сохраняющееся представление о продолжении родовых линий, идущих от похороненных на конкретном кладбище к нынешнему поколению. ИН представляются обществу, отдельным семьям и личностям не столько историческими, сколько живыми кладбищами. Это зоны особой, повышенной чувствительности социума даже в том случае, когда ИН давно вышел из употребления и в прошлом нарушен или полностью разрушен.

Достоинства ИН как объектов исследования очевидны – это богатство источников по ним. Но не менее очевидны неизбежные проблемы социальной психологии и вероятностность возникновения проблем юридического характера, хотя бы в силу недостаточной разработанности российского законодательства в области изучения кладбищ.

В ряде случаев исследования ИН порождают трения с общественностью, полагающей сами работы на кладбищах или их конкретные формы недопустимыми³. Археологи в свою очередь не всегда воспринимают раскопки ИН как часть исследования. В них видят неприятную, но неизбежную процедуру, род обременения, «санации» объекта перед началом «настоящих» раскопок. Очень много случаев и непрофессионального, а с точки зрения закона и нелегального вмешательства в слои кладбищ. Это происходит при поиске мощей и других земляных работах, которые самовольно проводят строители или представители церковных общин. Поскольку ИН продолжают существовать как объекты культуры, они могут (но не обязательно

---

³ Так, опыт охранных научно-исследовательских реставрационных работ автора пособия внутри собора Богоявленского за Торгом монастыря (Москва) вызвал ряд протестов еще в 1980-х годах, хотя они велись в соответствии с общепринятыми тогда для эксгумации поздних погребений правилами методики, вполне открыто и при участии больших групп добровольцев Общества охраны памятников.

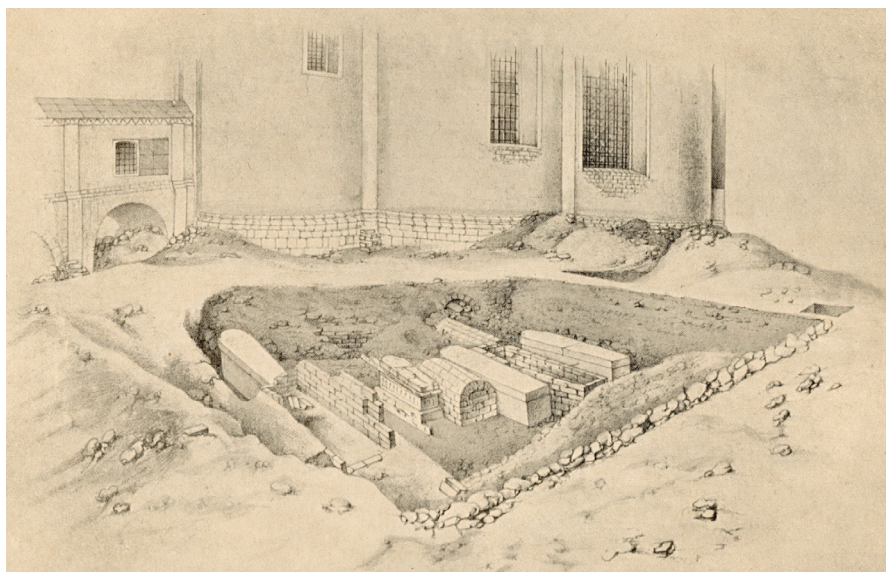
но) состоять на учете в качестве объектов культурного наследия или составлять часть таких объектов (например, некрополи Архангельского и Вознесенского монастырей в Кремле), а в редких случаях – все еще использоваться по прямому назначению – для захоронений.

Существенная особенность ИН – принадлежность многих из них к кругу государственных святынь. Кладбища правителей служат своего рода «инсигниями нации». Поэтому их раскрытие зачастую оказывается не только культурным или религиозным событием общенационального масштаба, но и громким политическим заявлением (изучение остатков исторических некрополей Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре при Наполеоне; раскопки 1900–1910-х годов погребений королевских семей Священной Римской империи в Германии (Вормс, Шпейер); крипта королевской династии Пястов на Вавеле в Кракове). К кругу таких актов относятся и вскрытия погребений национальных героев (Данте Алигьери – в Италии, Николай Коперник – в Польше).

Таким образом, ИН – один из объектов национальной культуры, не менее, а в своем роде и более важный, чем храм или монастырь с их художественным содержанием.

1.5. Археологическое изучение исторических некрополей: основные этапы

Изучение некрополя с целью найти утраченные погребения хорошо известных источникам исторических лиц в России началось с середины XIX в. (классический пример – некрополь князей Пожарских и Хованских: [Уваров, 1910; Беляев, 2010a]) (рис. 1).

Рис. 1. Вид раскопа в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре летом 1851 г. Литография (по: Уваров, 1910).

Уже тогда комплексно использовали письменные источники, раскопки, антропологическую экспертизу, анализ инвентаря. Среди работ классиков науки XX в. в этом отношении выделяется книга В.Л. Янина о некрополе в Софийском соборе Новгорода [1988]. Однако эти исследования воспринимались как хронологически принадлежащие области древнерусской археологии, а предпринимавшиеся попытки обобщить материал по христианскому некрополю не затрагивали даже XVII в. [Панова, 1990; 2004]. «Поздние» части кладбища оставались на периферии науки: археология еще не готова была воспринять их целиком, как объект, заслуживающий фундаментальных исследований. Граница «научной археологии» строго отделяла XVII в. от XVIII, подчеркивая грань между финалом Средневековья и началом Нового времени. Погребения позже 1700 г. в область археологии не попадали и при земляных работах их, вплоть до недавнего времени, исследовать «не полагалось».

Практическую необходимость археологического изучения ИН наука осознала в 1980-х годах. Тогда началось восстановление религиозных объектов, уничтоженных в 1920–1970-х годах, которые почти все имели кладбища. У общества в целом и у верующих отдельно возникла потребность выявить сотни утраченных исторических погребений, среди которых были совсем недавние (жертв революций и войн XX в.) и сравнительно старые (XVIII–XIX вв.).

Важную роль сыграло также развитие теории охраны памятников и культурной антропологии, поставившей в повестку дня изучение механизма формирования современной исторической памяти. В результате кладбище возвратилось в круг понятий культуры как одна из ее центральных категорий. При этом внимание было обращено на круг сравнительно поздних памятников [Arriés, 1977; 1991; Арьес, 1992; Daniell, 1997; Memory and the Medieval Tomb, 2000].

В 1990–2000-х годах, после ряда натурных и аналитических работ, возникли версии специального термина для обозначения этого направления: «тафология», «некрология», «некрополистика»⁴. Неблагозвучные, они позволяли избежать длинного перечня привлекаемых специальностей (подробнее: [Смирнов Ю.А., 1997; Шокарев, 2000а; 2000б. С. 21–25]); возникли соответствующие интернет-сайты и общества («Общество некрополистов» с адресом: nekropolist.narod.ru и др.).

Всплеск изучения ИН отмечен не только в России, но и за рубежом. Традиция охраны кладбищ от разрушения и актов вандализма, восприятия и оформления их как памятников культуры на Западе имеет длительную историю, вследствие чего глубоко укоренилась в сознании [Душкина, 1996. С. 137–145]. Работы по истории кладбищ в Европе и США располагаются в широком диапазоне. Среди них – иллюстрированные эстетские эссе в стиле иконологического сентиментализма [Robinson, Koontz, 1996], отчасти – известная работа Э. Панофски [Panofsky, 1992; Deco-

---

⁴ Эти термины иногда используют и при описании современных кладбищ, коммунального кладбищенского хозяйства, сферы похоронных услуг.

rations for the Holy Dead..., 2002]; труды об экзотических способах захоронения исторических личностей и о целенаправленном разрушении кладбищ [Lindsay, 2000; Weiss-Krejci, 2001]; фундаментальные культурологические исследования в стиле К. Бинум и П. Бински ([Paxton, 1990; Litten, 1991; Llewellyn, 1991; Harvey, 1993; Funeral Effigies of Westminster Abbey, 1994; Geary, 1994; Bynum, 1995; Binski, 1996; Platt, 1996; Cantino Wataghin, 1999].

В этом ряду находится место и для археологических исследований. Их цель – развитие местной (региональной, семейной, вообще «малой») истории и культурной антропологии [Eckhart, 1981]), а также – решение задач естественнонаучных дисциплин, прежде всего физической антропологии. Вехой в этом направлении стало образцовое этно-археологическое исследование 1980-х годов, начинавшееся как охранный, так называемый Спайтэлфилдский проект (Лондон, 1984–1986)⁵ [Spitalfields Project, 1993].

1.6. Археологическое изучение исторических некрополей: современное состояние

Важность археологического изучения ИН для краеведения (региональной истории) и микроистории, а также для фундаментальной общей истории и развития культуры признана и не нуждается в доказательствах (см.: [Московский..., 1991; 1996], особенно: [Шмидт, 1991. С. 17–20]). Высоко оценено значение ИН в развитии скульптуры и архитектуры [Ермонская и др., 1978; Турчин, 1984. С. 212–221]. Публикуется масса обзоров и путеводителей по конкретным кладбищам (пример: [Исторические кладбища..., 1993]). Широко, хотя и с разной степенью успеха, ведутся раскопки ИН, часто (хотя далеко не всегда) археологами-профессионалами.

В ближайшем будущем процесс регенерации монастырей и церквей будет ускоряться и расширяться. Новый этап комплексных конкретно-исторических исследований кладбищ XVIII–XIX вв. уже начался. Но ни наука, ни Церковь еще не сформулировали базовых принципов таких исследований [Смирнов Ю.А., 2003. С. 148–164]). Более того, они постоянно испытывают затруднения при контактах друг с другом, что ведет к ошибкам при идентификации останков исторических личностей. Опыт последних десятилетий, связанный с практикой поиска чтимых могил, убедительно показал, что «точечные» заказные вскрытия дают сомнительные результаты. Они фатально ведут к мало обоснованным (мощи Никиты Перея-

---

⁵ Проект имел характерный подзаголовок «По ту сторону Стикса». Его задачей было изучение до 1000 погребений 1729–1867 гг., включая 400 идентифицируемых с высокой достоверностью останков, в крипте ц. Иисуса Христа в Spitalfields (Восточный Лондон). Гробы последовательно извлекали из ниш или «склепов», удаляя затем облачения и одежду, изучая тела (многие оказались искусственно и естественно мумифицированы). Была разработана особая методика археологической фиксации и учета, поскольку пришлось работать, кроме скелетов и гробов, около 4000 индивидуальных находок, до 16 т изделий из свинца и 250 т мусора. Останки изучались не только антропологами, но, прежде всего, палеопатолагами.

славского: [Станюкович, 2001] и др.) или явно ошибочным интерпретациям⁶ (см. разбор случаев с «саркофагом Юрия Долгорукого»: [Ивакин, 2008. С. 107–117] и «мощами Андрея Рублева и Даниила Черного»: [Беляев, 2008. С. 424–427]). Дело доходит до прямых фальсификаций, если сама цель работы предполагает не выяснение фактов, а выполнение условий ангажемента. Так произошло при поиске «останков Ивана Сусанина» (см. критику: [Беляев и др., 2007. С. 58 – 63; Петров, 2008; Петров и др., 2011. С. 248–267]).

Безусловно, научно обоснованные реконструкции ИН и строгая идентификация погребенных возможны и важны для фундаментальной науки. При серьезно поставленных раскопках достоверная картина развития кладбища восстанавливается вполне объективно. В понимание механизма исторической памяти вносится серьезный вклад. Примеров в текущем десятилетии уже довольно много. Это работы в Иосифо-Волоцком монастыре С.З. Чернова [2008. С. 269–314; Чернов, Янишевский, 2008. С. 150–164], (особенно для позднего периода) исследования в Троице-Сергиеве А.В. Энговатовой [2010; Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 78–87], в Софийском соборе г. Вологды И.В. Папина [2007], в московских монастырях Даниловом Л.А. Беляева [2010б. С. 33–37; 2011. С. 8–18; 2012а] и Алексеевском/Зачатьевском [Беляев, 2010в. С. 58–67]; повторная идентификация погребений князей Пожарских и Хованских в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре [Беляев, 2010а]; начатые в 2011 г. работы с некрополем Воскресенского Ново-Иерусалимского⁷ и московского Новодевичьего [Беляев и др., 2010а. С. 156–165]) монастырей.

Однако кладбище как цельный, единый памятник, требующий полного анализа средствами истории культуры и искусства, архивоведения, просопографии и археологии, по-прежнему изучают сравнительно редко. Представляется необходимым сформулировать те источниковедческие принципы, которые должны быть положены в основу идентификации исторических погребений. В силу сказанного первый опыт создания методического пособия – актуален. Он поможет разработать «штатный» режим археологического исследования ИН, включая точно описанный технический процесс обнаружения погребения. После обсуждения замечаний и проработки это пособие может быть утверждено в качестве методической нормы. Возможна и выработка на его основе методических программ для работы на конкретных некрополях.

---

⁶ Так, в 1988 г. при раскопках в Оптиной пустыни были открыты останки одного из старцев, ошибочно принятые за останки Амвросия Оптинского, но впоследствии опознанные как останки старца Иосифа (Литовкина).

⁷ В 2011 г. в связи с началом укрепления фундаментов собора Воскресения Христова Ново-Иерусалимского монастыря было запрошено и получено благословение Его Святейшества Патриарха Кирилла II на поиск и перенос погребений, совершенных в соборе в XVII – начале XX в.; в ходе переноса проводится идентификация неизвестных погребений. В числе других в 2011 г. изучены документально известные и хорошо сохранившиеся останки двух игуменов конца XVII в., Германа и Варсонофия.

ТИПОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

ИН как памятники археологии достаточно единообразны. Их образует участок земли с определенными, иногда маркированными (обваловка, ровик или ограда) границами. На поверхности ИН в известном порядке, но не обязательно следуя регулярному плану, размещены памятные знаки или их остатки. Обычно они идут рядами и/или участками-гнездами, между которыми оставлены узкие проходы или более широкие дорожки. При длительном использовании маркировка почти всегда исчезает, могилы смещаются, и в зонах погребения может образоваться сплошь перекопанный слой.

2.1. Могильные ямы и внутримогильные сооружения; вместилища для тела

В России погребения на ИН совершались чаще всего по христианскому (в подавляющем большинстве случаев – православному), иудейскому или мусульманскому обрядам, не допускавшим сожжения тел и практиковавшим исключительно ингумацию (в редких случаях – вторичное захоронение останков).

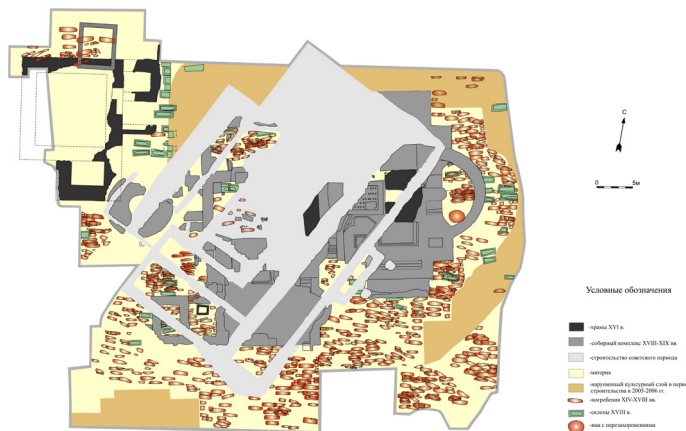
Останки помещались в могильные ямы, индивидуальные или (реже) коллективные. Это касается и вторичных захоронений (пример хорошо изученного коллективного перезахоронения – так называемые «скудельницы»⁸, точнее, костницы, оссуарии в соборе г. Вологды [Папин, 2007. Рис. 2]). Отклонения от этой нормы (братские могилы, для которых использованы ранее выкопанные подземные вместилища, жилые и хозяйственные углубления, рвы, траншеи на полях сражений и т.п.) нужно рассматривать как ситуационное применение обряда, но не как исключения из него (яркий пример – землянка с незахороненными телами защитников, павших во время осады Албазинского острога маньчжурами в 1687 г. [Артемьев, 1999. С. 112–114]).

Традиционное расположение тела (соответственно, останков и индивидуальных погребальных сооружений) на христианских кладбищах в России – вытянутое, на спине, по оси запад–восток, головой к западу, лицом к востоку, со сложенными на груди или животе руками. Оси всех погребений конкретного кладбища обычно параллельны друг другу и зависят от ориентировки оси кладбищенской (монастырской)

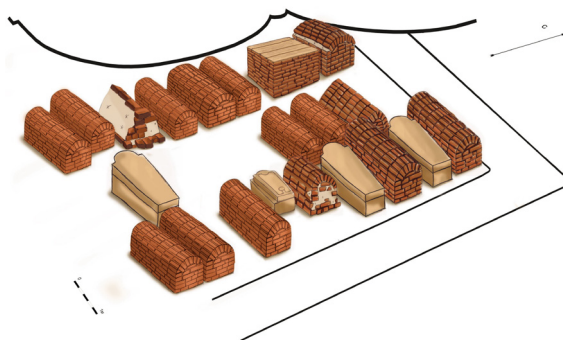
---

⁸ Известная по письменным источникам практика создания специальных общественных кладбищ для выморочных покойников, скудельниц, при которых часто возникали монастыри, археологически до сих пор не зафиксирована. Погребения на таких кладбищах, видимо, типологически не отличались от обычных могил бедняков.

церкви. Статистической нормой является смещение общей оси к югу или северу, что вызвано годовым смещением точек восхода солнца (редко) или, чаще, сложившейся формой и местоположением церковного участка (рис. 2). При смене церковного здания может смениться его ориентировка – в этом случае ось погребений на кладбище тоже меняется. Поэтому устойчивое разделение погребений некрополя по ориентировке на два и более массивов служит указанием на существование здесь в прошлом храмов с другой осью и помогает построить хронологию кладбища.

Рис. 2. План изученных церковных построек и кладбища в центральной части Зачатьевского (Алексеевского) монастыря в Москве. Чертеж И.И. Ёлкиной по данным раскопок 2003–2008 гг.

Рис. 3. Погребальные сооружения под полом родовой усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Аксонометрия О.А. Тиховой по материалам раскопок 2008 г.

Характернейшая черта церковных кладбищ в городах и монастырях России XVIII–XIX вв. – внутримогильное кирпичное (как исключение белокаменное) сооружение (рис. 3).

Оно получило в историографии название «склеп», хотя по типу это скорее кирпичный свод, гроб или саркофаг. Он всегда индивидуальный и одноразовый, в отличие от классического склепа – подземной камеры, предназначенной для посещений и/или многоразового использования. Такие сооружения встречаются уже в XVII в. (усыпальницы Пожарских в Спасо-Евфимиевом суздальском и Романовых в московском Новоспасском монастырях, пример: [Усыпальница дома Романовых..., 2005], гробницы игуменов в Новоиерусалимском монастыре) (рис. 4). Возможно, они существовали и во второй половине XVI в. С XVIII в. кирпичная оболочка стала обязательной благодаря указу 1722 г. о запрете погребений в городской черте и допущении такового только при устройстве «склепа». С XVIII в. «склеп» изредка оформляли снаружи, выкладывая на его своде крест [Папин, 2007. Рис. 3].

Рис. 4. Саркофаги и кирпичные своды членов семьи Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. XVII в. Раскопки 2008 г. (самый дальний саркофаг – предполагаемое погребение князя Д.М. Пожарского).

В число требований указа 1722 г. входило также определение глубины могилы – не менее 3 аршин, т.е. более 2 м. До этого времени, с XIV до конца XVII в., могилы копали то совсем мелкие (около 30 см), то сравнительно глубокие (статистическая оценка 80–140 см при тенденции к углублению).

Массовое явление на ИН – повторные погребения (особенно на старых участках, вблизи церквей). Могильщики, видимо, стремились, пройдя культурный слой и уровни перекопов, достичь материка. В результате сравнительно большая глубина поздних могил предопределила порчу ими ранних. В силу этого неповрежденные участки ранних погребений следует искать в зонах, на которых с определенного времени захоронения стали невозможны: внутри периметра стен зданий (если они возведены без котлованов), под дорожками, на замощенных площадках и т.п.

В могилах вплоть до XVIII в. можно, кроме «склепов», встретить и собственно саркофаг, тесанный в цельном блоке белого камня и с плоской крышкой. Крышка обычно составлена из двух половин (возможно, не только из-за сложности тески крупной плоской формы, но и с целью обеспечить возможность попрощаться с покойным, как это делается в дорогах современных гробах). Для домонгольского времени известны саркофаги ящичные и, на Северо-Западе, «ладьевидные». В эпоху Московского княжества и Царства, с конца XIV по XVII в. включительно, распространяются антропоморфные саркофаги. В начале периода Империи известны, как исключение, ящичные формы (трапецииды и параллелепипеды) с более сложной, резной крышкой (роскошные саркофаги первой половины XVIII в. Георгиевского монастыря в г. Москва), но они очень редки и вскоре полностью исчезают.

Важным элементом церковного обряда (видимо, монастырского) была укладка под голову покойного кирпича (как исключение – камня, изразца, черепицы и т.п.; об обряде: [Макаров, 1981; Беляев 2005в; 2012а]). Обычные в Византии обкладки кирпичами или черепицами, ведущие начало от римско-эллинистического периода, в России фактически неизвестны⁹, если не считать могильный кирпичный свод-«склеп» XVII–XIX вв. их позднейшим дериватом.

Остальные элементы обряда можно наблюдать только как исключение, и их присутствие не всегда подтверждается.

Форма грунтовых могил ИН близка в плане прямоугольнику со скругленными углами; как правило, сужение к ногам отсутствует; продольный и поперечный разрезы также близки прямоугольнику или имеют мягкие округлые очертания. Состав типичной засыпки могильных ям зависит от времени и свойств почвы, где ямы копались. В ранних могилах московских кладбищ она обычно варьируется от почти чистой песчаной (кладбища монастырей Зачатьевского и Богоявленского, новая территория Данилова) до тяжелого цветного (красновато-коричневого) суглинка (кладбище села Коломенское). На многократно перекопанных городских ИН ямы поздних погребений заполнены темно-серым или черным супесчаным

---

⁹ Как исключение известна полная выстилка дна могилы черепицей с глазурью [Баранова, 2010. С. 160, 161].

пестроцветом (кладбище Данилова монастыря), так что их края бывает трудно проследить.

Гробы неоднократно исследовали как по сохранным экземплярам (кладбище у ц. Жен Мироносиц в московском Зарядье, XVI–XVII вв.), так и в большинстве случаев по следам тлена. Конструктивно они делятся на ящичные и колодные, но хронологического значения это разделение не имеет – выбор, вероятно, зависел от статуса и возможностей покойного, а также от обычаев данной социальной группы. Формы нижней части гроба и его крышки довольно разнообразны, в плане он мог быть как прямоугольной, так и трапецевидной формы, а крышка в поперечном разрезе плоская или с двумя, тремя и (в XVIII–XIX вв.) более скатами.

Покров или обивка крышек до XVII в. известны в основном по иконографическим и письменным источникам. Позже они станут обычны и очень изощрены. Для них использовали разные типы тканей, газета, парчи, обойных гвоздиков; в дорогих вариантах встречается шитый или выложенный на крышке аппликацией Голгофский крест. Изобразительные и орнаментальные композиции общего аллегорического свойства распространены с XVIII в. в металлическом (бронзовом или серебряном, иногда и железном) прикладе гробов: оковках углов, литых ручках для них, чеканным ажурным подкладкам, на которые эти ручки крепились и т.п. (пример: [Беляев, 2005б; 2012б]) (рис. 5). Внутри гроб XVIII–XIX вв. выкладывали стружкой, сушеной травой или иными мягкими субстанциями; поверх такой подкладки шла обивка тканью, могли использоваться подушки и покрывала.

Рис. 5. Чеканная подкладка под ручку гроба с аллегорической композицией на темы смерти, вечности и загробного воздаяния. Данилов монастырь, раскопки 2006 г.

2.2. Намогильные сооружения

Обычным намогильным знаком на христианских кладбищах Московии до конца XVII в. был валун или белокаменная плита и/или крест, а вблизи храмов и внутри них – настенная таблица с надписью (разбор типологии, обсуждение проблематики, библиография за последнюю четверть века, см.: [Беляев, 1996; 2006]). Внутри церквей погребения часто отмечали невысокими сводчатыми сооружениями, так называемыми нагробницами. Они также несли таблицу с надписью, а изредка – резной по белому камню орнамент (царский некрополь в Архангельском соборе Кремля). С XVIII в. надгробие заимствует общие для всей Европы формы малой архитектуры и скульптурных композиций (классические и иные: [Николаев, 1975. С. 85–95; Ермонская и др., 1978; Турчин, 1984. С. 212–221]). С середины XVI в., когда надгробия стали массивными и тяжелыми, под них стали закладывать небольшие основания из камня или кирпича, которые часто остаются в земле после того, как сами памятники погибают.

Каменные основания остаются от фундаментов под ограды, которые могут ограждать как одну могилу (погребение Н.В. Гоголя, см.: [Беляев, 2011. С. 8–18]), так и семейный участок с погребениями, оставленными двумя-тремя поколениями. Внутри таких оград стояли памятники (примеры – на немногих сохранившихся кладбищах XVIII–XIX вв. в Москве и других городах).

Огражденный участок мог развиваться в отдельную палатку или соединенный с храмом притвор погребального назначения (примеры: палатка князей Пожарских и Хованских в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре; палатка к востоку от трапезной XVI в. в московском Зачатьевском монастыре для послушниц из числа знатных прихожан монастыря XVIII в.). В исключительных случаях на кладбищах сооружали собственно склепы в прямом смысле этого слова, иногда достаточно сложные, но опыт их археологического изучения невелик (пример: [Хворостова, 2008. С. 524–540]).

Надгробные памятники широко использовали вторично, причем обычно уже не как надгробия, а как строительный материал новых памятников, особенно для фундаментов (примеры: замощенная валунными надгробиями площадка в Кирилло-Белозерском монастыре; фундамент столба галереи XVIII в. у храма Отцов Семи Вселенских соборов в Даниловом монастыре, сложенный почти исключительно из надгробий) (рис. 6).

Из них же тесали архитектурные детали. Обычно это рассматривали как выгодное и в то же время богоугодное дело (согласно церковному праву, остатки церковных сооружений, к которым причислялись и надгробия, можно было использовать исключительно в церковном строительстве, что подтвердил указами Петр I). Надгробия с закрытых или заброшенных кладбищ иногда свозили, составляя на это особые договоры (так были свезены на строительство стен Данилова монастыря в конце XVII в. надгробия XV–XVII вв. с христианского кладбища инославных в районе Конной площадки г. Москва). В советский период надгробия также вторично ис-

Рис. 6. Фундамент столба северной галереи храма Отцов Семи Вселенских Соборов в Московском Даниловом монастыре, целиком сложенный из надгробий XVIII в. Фотография 1984 г.

пользовали, иногда достаточно причудливо: в московском Даниловом монастыре из них был сложен фундамент памятника В.И. Ленину; в г. Касимов из типовых гранитных стел XIX в. составили парапет парадных трибун на главной площади и вокруг памятника В.И. Ленину, и т.д.

2.3. Инвентарь

Православный обряд не предполагает погребальных даров. Однако в могилах ИН встречается довольно много вещей.

Прежде всего, это сосуды (обычно небольшие), из которых при раскопках кладбища составляются целые коллекции. Материал – керамика (в том числе поливная), фарфор, фаянс, стекло и металл (возможно, были и деревянные, но они не сохраняются). Эти сосуды («селейницы», традиционное «народное» название «слезницы»¹⁰, восходящее к римской погребальной традиции лакримариев) связывают с обрядом последнего помазания и окропления тела остатками еля в смеси с вином. Обряд их

¹⁰ На семантике предмета подробнее не останавливаемся.

оставления в могиле ведет начало по крайней мере с конца XIV в., но ему следуют вплоть до XVIII–XIX вв. (в некоторых случаях и сегодня).

Сосуды позволяют датировать погребения и представляют интерес для истории обряда и прикладного искусства, вкусов горожан и селян, их социальной стратификации. Сосуды необходимо тщательно фиксировать и сдавать на музейное хранение, если нет необходимости перезахоронить вместе с останками. Такое требование могут выдвинуть насельники монастыря или родственники погребенных, и если оно будет выполнено, необходимо составить акт о повторном захоронении не только останков, но и вещей. Если удастся быстро провести музейную экспертизу, желательно включить ее во избежание ошибок в отчет о раскопках (например, при подготовке к публикации материалов кладбища Данилова монастыря обнаружился целый ряд ошибок первичной атрибуции [Беляев, 1994. С. 102; 2005а. С. 4–6; ср.: Беляев, 20126]).

В погребениях ИН можно ожидать находок крестов (простые тельники [см.: Молодин, 2007]; как исключение – реликварии-энколпионы). В XVII–XIX вв. они многочисленны, но до этого на большинстве кладбищ сравнительно редки. Материал этих крестов очень разнообразен: металл (от золота и серебра с полудрагоценными камнями или стразами до сплавов меди или железа), резное дерево, поделочный камень, перламутр, янтарь и даже слюда (часто в металлической оправе).

Остальные вещи встречаются гораздо реже. В монастырских погребениях XVII–XVIII вв. достаточно обычны четки из разных материалов (стекла, дерева, резных орехов) и другие предметы, связанные с монашеским делом (железные вериги); детали монашеского облачения сохраняются крайне редко, но при раскопках московского Моисеевского монастыря (в начале Тверской дороги) был получен ряд шитых покровов XVII–XVIII вв., а в других местах – пояса-параманды, плетеные из кожи кресты сложных форм. Крайне редки такие типы энколпиев, как резные или литые иконки (обычно в ладанках), а позднее – медальоны расписной эмали и других техник.

В Новое время знать и состоятельных людей обычно хоронили в присущей им по социальному положению парадной одежде – мундирах, светских костюмах, церковных облачениях, женщин – в дорожных платьях. Их ткани могут сохраняться благодаря металлической нити, которой они расшивались и отделялись; благодаря попадавшим на них каплям воска или окислам металлических предметов. Если одеяния не сохранилось, на покрой одежды (жилет, камзол, фрак, кюлоты и т.п.) могут указать ряды пуговиц. Изредка можно встретить вышитый непосредственно на мундире орденский знак или нашивку-заменитель. В женских погребениях обычны для XVI–XVII вв. волосники (сетки-шапочки для волос с расшитой лентой-стоечкой), для XVIII–XIX вв. – накладки типа свадебных с множеством медных булавок; в редких случаях обнаруживаются сохранившиеся дорогие платья из шелка и других материй (методика их исследования разработаны И.И. Ёлкиной, О.В. Орфинской, Н.П. Сеницыной и др.: [Ёлкина, 2005; 2008; Панова, 2009. С. 195–220]).

Наиболее частый элемент одежды, сохраняющийся в погребениях, – обувь. Ее можно разделить на специальную погребальную (кожаные поршни и тапочки без задника) и бытовую, отвечающую моде (в XVIII–XIX вв. туфли на каблуках с художественными пряжками, ботинки из дорогой кожи).

Традиционно богатый набор облачения и церковно-служебных предметов XVIII–XIX вв. сохраняется в поздних погребениях церковных иерархов. В их составе, кроме подрясника, рясы, епитрахили и предметов облачения (прежде всего митры): богослужебная утварь (выносной крест, книга Евангелий), знаки сана (панагия), предметы личного благочестия (крест-тельник), церковные и светские награды (нагрудные кресты, орденские ленты и т.п.). Особый интерес в погребениях вызывают носители текстов, прежде всего, разрешительная грамота (с XVII в. исполнялась в печатном варианте, куда вписывали имя: [Булычёв, 2009. С. 327–356]). Однако до начала XVIII в. такой полный набор богослужебных предметов и облачений обычно отсутствует: высших иерархов хоронят в монашеских одеждах, с парамандом, епитрахилью и деревянным крестом-тельником.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ

3.1. *Практические задачи*, к которым неизбежно сводятся археологические работы на ИН, делятся на две группы: (1) идентификация отдельных (в идеале – всех встреченных) погребений и (2) восстановление полной истории изученного участка или всего кладбища (иногда – на нескольких хронологических этапах его существования), включая элементы его ландшафта (дорожки, общая ограда, отдельно стоящие сооружения и др.), списки погребенных, формы памятников, анализ деталей обряда. Реконструкция проводится виртуально (электронными средствами, на уровне планов и трехмерных композиций, или в виде чертежей и макетов) и сопровождается соответствующим описанием. Отдельной практической задачей можно считать натурное восстановление памятников ИН, но это чисто проектная задача, исполняемая архитекторами на основе решений, которые им предоставляют археологи.

3.2. *Научные задачи*, которые могут быть поставлены исследователем для отдельных погребений, типов сооружений и инвентаря, костных останков и прочих элементов ИН, бесконечно разнообразны. Они зависят от глубины знаний и научных интересов автора работ и могут быть разделены на задачи культурной антропологии (изучение культуры памяти, мода); истории (генеалогия, просопография, развитие прикладного искусства); а также включать естественнонаучный блок (физическая антропология и другие направления).

3.3. *Методические принципы* современного исследования ИН опыт работы позволяет свести к нескольким довольно очевидным (но не всегда легко исполнимым) правилам, которым должен следовать археолог. Важно, чтобы эти правила существовали не только для археолога. Заказчик в лице монастырских властей или приходской общины, общественной организации (краеведческой, генеалогической), государственной структуры (администрация кладбища, орган охраны памятников, музеев), строительной фирмы или частного лица должен быть ознакомлен с этими принципами и признать важность следования им в целях успешного выполнения заказа. Такое признание выражается не вербально: от заказчика требуется предусмотреть необходимое время и финансирование для методичного изучения остатков кладбища (или той его части, которая определена как необходимая и достаточная руководителем экспедиции или исследовательской группы). Исследование ИН «в режиме наблюдений за строительными работами», когда вскрываются одновременно сот-

ни погонных метров траншей и тысячи квадратных метров котлованов, недопустимо, так как оно делает научную работу практически невозможной.

3.4. *Предлагаемые 9 принципов* выработаны опытным путем, их можно применять «по месту» и дополнять. Тем не менее, это базовые правила для тех, кто стремится добиться надежной, уверенной идентификации погребений:

3.4.1. Следует строить идентификацию как широкий исследовательский проект, изучая не только искомые погребения, но памятник в целом, стремясь к восстановлению исторического контекста и к реконструкции всего кладбища; такая работа должна предшествовать идентификации отдельных искомым захоронений;

3.4.2. Не следует опираться на «хрестоматийно известные» исторические данные – необходимо провести углубленный архивный поиск и критически осмыслить собранную информацию до начала вскрытий, составить собственное представление о характере и состоянии источников; эту работы археолог не передоверяет заказчику – ее следует предпринять целенаправленно и самостоятельно, с привлечением специалистов;

3.4.3. На раскопки следует получить Открытый лист и в ходе работ руководствоваться общей методикой полевых исследований для грунтовых могильников, основанной на требованиях «Положения об Открытых листах»;

3.4.4. Нельзя работать с одним, специально выделенным погребением или небольшим участком, сопоставимым по площади с одной-двумя могилами; для идентификации даже единичного погребения нужно достаточно широкое вскрытие, сплошное или выборочное – зависит от ситуации; оно позволит охарактеризовать стратиграфию и планиметрию участка, поможет решить вопрос о дате, социальном статусе и личности погребенных путем сравнительного анализа;

3.4.5. Нельзя ставить под сомнение примат историко-археологических выводов, основанных на стратиграфии, вещеведении, других традиционных методах атрибуции: захоронения как памятники погребального обряда должны изучаться в первую очередь методами гуманитарных дисциплин, что не исключает использования естественных наук;

3.4.6. Желательно соблюдать осторожность при естественнонаучных экспертизах: предусмотреть контрэкспертизу; не информировать экспертов о характере материала и степени его важности (в противном случае резко возрастает опасность вольных или невольных подстраиваний ответов под заданные характеристики или желательные заказчику экспертиз результаты, появление в заключениях уклончиво-утвердительной и совершенно нетерпимой формулы: «собранные факты не противоречат возможности идентификации данного погребения как...»);

3.4.7. Круг привлекаемых источников и, соответственно, вовлеченных в экспертизу специалистов, определяется самим материалом и может быть значительным (это нужно объяснить заказчику работы), но важен уровень профессионализма экспертов, а не их статус или количество;

3.4.8. Нежелательно публиковать выводы по отдельным дисциплинам и экспертизам «в разбивку», по отдельности, тем более до того, как подготовлено общее историко-археологическое заключение; также нежелательны преждевременные публикации и привлечение масс-медиа на ранней стадии исследования;

3.4.9. Не следует «утверждать» результат проведенной идентификации погребений административным порядком или голосованием – это не юридическая процедура, надежность выводов определяется путем взаимного убеждения, научных публикации и в ходе дискуссии между специалистами.

3.5. Особенности полевой работы археолога на историческом некрополе (выработаны на основе работ последнего десятилетия)

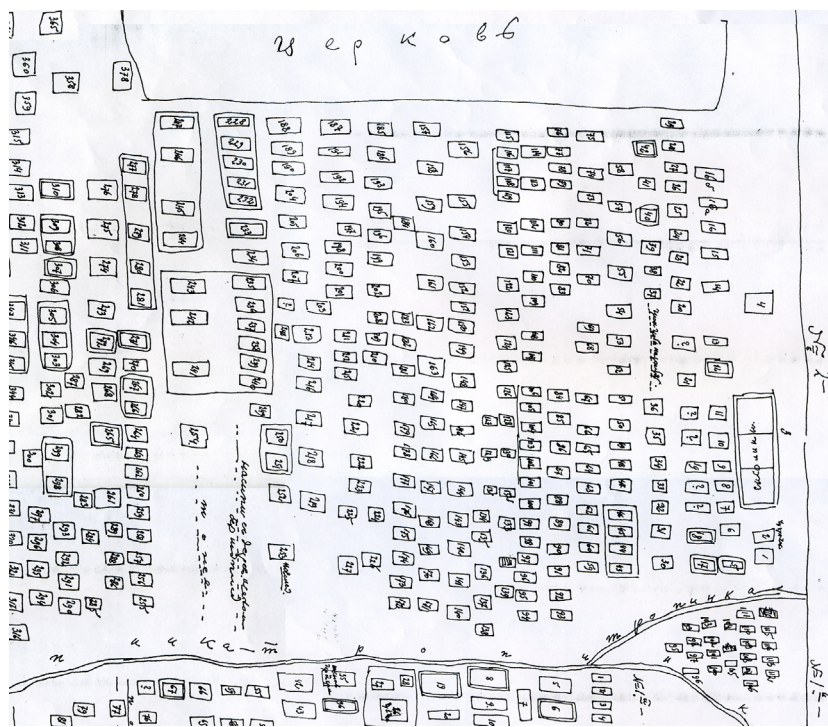
3.5.1. *Подготовительный этап.* Предварительные условия изучения заброшенного или сознательно разрушенного ИН, как правило, неблагоприятны. Поверхность кладбища может быть полностью утрачена, включая памятники и ограды, а его глубинная зона (могилы) – сильно перекопана, в том числе преднамеренно. Поэтому подробное визуальное знакомство с территорией, хотя оно, безусловно, необходимо, обычно не позволяет определить место искомого погребения.

Даже на сравнительно хорошо сохранившемся ИН память о месте отдельных погребений со временем размывается, а если еще сохраняется, то может оказаться ложной. Границы участков на кладбищах XVIII–XIX вв. не были строго определены, ограды устанавливали редко (с начала XX в. – чаще), маркирующие надгробные знаки часто сдвигали. В XX в. известно много случаев установки над погребением чужого (вторично использованного) надгробия. Приступать в таких условиях к раскопкам, не предприняв усилий по виртуальной реконструкции кладбища, – вредно.

Чтобы определить возможное место хотя бы одного погребения, нужно восстановить историю кладбища в целом (если это не было сделано ранее) и попытаться создать его полный план на один или несколько периодов. Соответственно, архивный материал следует собирать не об искомом погребении или группе погребений, но обо *всем некрополе* с последующей компьютерной обработкой собранных сведений о его топографии¹¹. Этот материал потребует в дальнейшем для новых раскопок и для синтеза накопленных сведений. При этом важно понимать, что сам по себе археологический материал даже полностью раскопанного кладбища не сможет показать его как цельный памятник, обеспечить системное восстановление его истории.

---

¹¹ В настоящее время существуют хорошие обзоры и путеводители по архивам, связанным с историей кладбища, см., например: Иванкив, 1990; Козлов, 1990; Комарова, 1991. С. 68–72; Трубникова, 1991. С. 107–109; Московский..., 1991; 1996; Трутнева, 1994. Исключительно важными шагами на пути развития некрополистики становятся публикации документов и исследования работ наших предшественников, описывавших кладбища еще в XIX в. Одна из важнейших книг этого направления за последние годы: Шилов, 2010.

Рис. 7. Схема для привязки фотографий кладбища Данилова монастыря (фрагмент).
А.Т. Лебедев, 1925 г.

Поэтому на стадии предварительных работ исследовательская методика для решения задачи общей реконструкции ИН и для решения задач узких, представляющих заказчику почти техническими (обычно это поиск конкретных погребений), не должна принципиально отличаться. Широкие предварительные исследования полезны и в практическом плане: они позволяют избежать затяжного полевого поиска и чрезмерно широких вскрытий, далеко не всегда желательных на ИН¹².

Примеры виртуального восстановления – работы по кладбищам Покровского [Смирнов С.А., 2006] и, особенно, Данилова монастырей, где традиционные исторические источники (тексты описей, планы и т.п.) были дополнены материалами фотосъемки, ранее известными, но широко никогда не использовавшимися. Съемка проводилась

¹² Так, поиск места захоронения архиепископа Никифора Феотокиса (†1800 г.), которое не было ранее известно, потребовал (и дал возможность) восстановить план всей центральной части кладбища Данилова монастыря. При опоре на него удалось идентифицировать необходимое погребение со стопроцентной точностью, не прибегая к чрезмерно широким раскопкам. Работа в целом заняла около года: 6 месяцев архивного исследования и зимний полевой сезон с осени 2006 до весны 2007 г. (работы велись в помещении).

А.Т. Лебедевым¹³ в 1927–1928 гг. на многих московских кладбищах. Это многочисленные виды памятников и участков, привязанные к глазомерной схеме кладбища через «указатель» с номерами могил, списком погребенных и краткой характеристикой памятников (хранятся в архиве Музея архитектуры им. А.С. Щусева и ГИМе) (рис. 7).

Такая схема позволяет восстановить состав памятников, стоявших в момент съемки 1920-х годов на поверхности кладбища; оценить их взаимное расположение и размещение групп по отношению к храмам и дорожкам; понять последовательность могил в одном ряду. Но чтобы точно привязать погребения к современной топографической подоснове, схемы недостаточно. Это делается возможным благодаря компьютерной планиметрии (применена к задачам ИН С.А. Смирновым), включающей ряд стадий (рис. 8).

Сначала требуется установить точку, с которой производился каждый снимок. Этого добиваются, определяя как можно больше видимых элементов на каждой фотографии, таких как углы и окна, архитектурные детали построек (храмов, жилых корпусов, стен, башен и др.). Элементы, сохранившиеся до наших дней, легко закрепить на современной топосъемке, что позволяет определить точку и угол съемки. Места утраченных деталей (памятников, их частей, оград) уточняются, если объекты сняты с разных сторон. Особое значение имеют снимки, на которых видны большие участки кладбища с десятками памятников, – они позволяют понять взаимное соотношение групп и точки съемки (рис. 9).

---

¹³ Александр Тимофеевич Лебедев (3.09.1868, СПб – 29.03.1943, Москва). В 1887–1918 коллежский асессор, служащий Петербургской почтовой таможни; позже в Москве – делопроизводитель собора Василия Блаженного и отдела музеев Наркомпроса, с 1924 г. – безработный. С конца 1890-х годов увлекся фотографией и в 1925–1932 гг. сделал сотни снимков памятников почти на всех городских и монастырских кладбищах Москвы: в Донском, Даниловском, Новодевичьем, Андроникове, Новоспасском и Симоновом монастырях; на Ваганьковском, Пятницком и Введенском кладбищах (он фотографировал на них и позже, вплоть до 1942 г.). Создал прекрасный архив негативов (более 1000 снимков), хранившихся в отдельных конвертах с записью о дате и месте съемки, биографическими сведениями о погребенных, иными пометками (в основном данными о сносе памятников), иногда – с вложенными газетными и журнальными вырезками, некрологами и т.п. Это был готовый материал для «Московского некрополя», и в 1930-е годы фотографии А.Т. Лебедева приобрели музеи и библиотеки. А.Т. Лебедев хранил также отпечатанные фотографии, собирая их в альбомы с машинописными аннотациями, которые дублировали надписи на конвертах с негативами (8 альбомов с 852 снимками: 2 – из Донского, по 1 – из Новодевичьего и Симонова монастырей, в отдельные альбомы собраны (1) Алексеевский, Андроников и Новоспасский монастыри и (2) Скорбященский и Покровский; 2 альбома включают разные снимки на московских и петербургских кладбищах. В отдельных журналах А.Т. Лебедев вел алфавитные списки погребенных (с дополнительными сведениями о них) в Донском, Даниловом и Новодевичьем монастырях, на Ваганьковском, Лазаревском и других кладбищах. Похоронен на Ваганьковском кладбище; сведения о месте могилы не сохранились. Основная часть архива А.Т. Лебедева хранится в фотографическом фонде и архиве ГНИМА им. А.В. Щусева, более 100 снимков – в научно-вспомогательном фонде музея «Новодевичий монастырь» [см.: Трутнева, 1996. С. 17–22].

Рис. 8. Часть плана того же участка кладбища Данилова монастыря в реконструкции С.А. Смирнова. Показаны номера погребений по списку А.Т. Лебедева, точки и углы его фотосъемки.

Рис. 9. Одна из фотографий кладбища Данилова монастыря с большим количеством надгробных памятников. А.Т. Лебедев (?), 1925 г.

После внимательного рассмотрения снимков и проверки сведений о каждом элементе (если есть письменная информация о типах сооружений, списки погребенных, схемы размещения) становится возможной строгая привязка участков, групп памятников и отдельных погребений, которые в результате оказываются «расставленными» на современной подоснове. Одновременно производится персональная атрибуция погребений, причем часто даже в тех случаях, когда видна лишь небольшая часть сооружения, или оно показано с большого расстояния, в необычном ракурсе, и т.п.

Результат реконструкции бывает очень наглядным. Так, итогом аналитической работы для некрополя Данилова монастыря стали два реконструктивных плана на момент начавшегося разрушения (1920-е годы) с обозначением мест памятников и точек их съемки с нанесением «угла зрения» объектива. Выявилась степень «условности» схемы А.Т. Лебедева и смещенность отдельных погребений от их истинных позиций; определились отдельные участки могил, направления развития рядов и всего некрополя XVIII–XIX вв. Были маркированы места могил великого писателя Н.В. Гоголя, известного мецената Ф.В. Чижова и других славянофилов.

Однако даже в этом случае точность привязки могил на местности не превышает 3–5, в лучшем случае 1–2 метров. Если нет источников для дополнительного уточнения, требуется прибегнуть к вскрытиям.

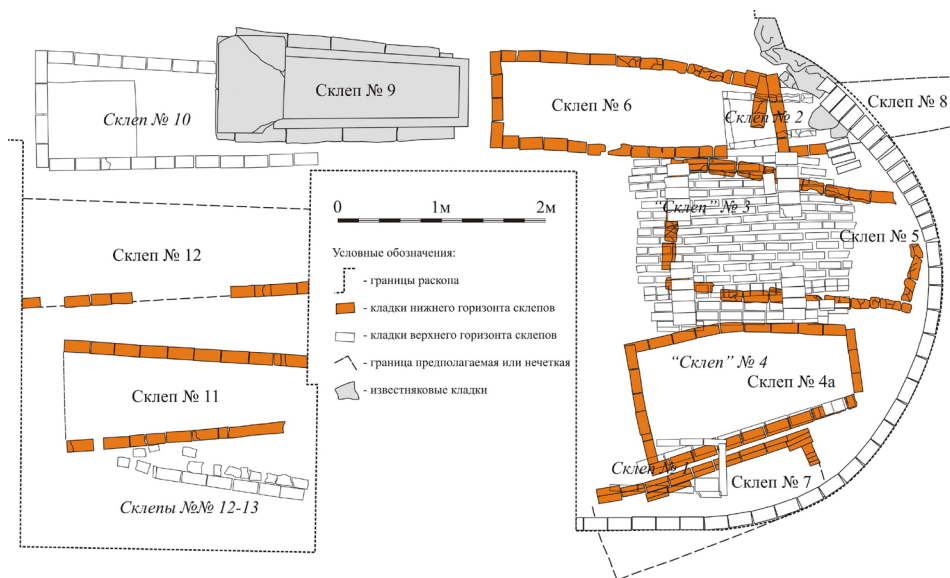
3.5.2. Планирование и проведение полевых работ на основе полученных архивных и обмерных данных, вскрытие погребений и их фиксация

Эта часть работ проводится согласно общепринятой методике изучения грунтовых могильников и подземных архитектурных сооружений с учетом обозначенных выше требований (см. п. 3.4.3, 3.4.4).

Если поставлена задача обнаружить и идентифицировать одно или несколько погребений, следует найти баланс между необходимостью точно определить искомые захоронения и нежелательностью побочного, технического вскрытия большого числа прилегающих к ним других могильных ям.

Раскоп на месте искомого погребения должен быть размером не менее 5 x 7 м (длинная ось запад–восток), иначе возникнут проблемы с идентификацией искомого захоронения и с расчисткой прилегающих погребений, часть которых неизбежно выйдет за пределы раскопа (рис. 10). Как только станет очевидным, что периферийные погребения нельзя изучить полностью без значительной прирезки, разборку их ям желательно прекратить после выявления (на перекопанном многократно некрополе это может случиться уже на уровне костяка).

Верхние («поздние») слои ИН разбирают с соблюдением всех методических требований к раскопкам поселений и могильников, поскольку они (1) содержат материалы более ранних поселений или кладбищ, существовавших на том же месте; (2) в тех же слоях можно обнаружить крайне важные для идентификации искомого погребения элементы, особенно если оно было разрушено. Пример первого рода –

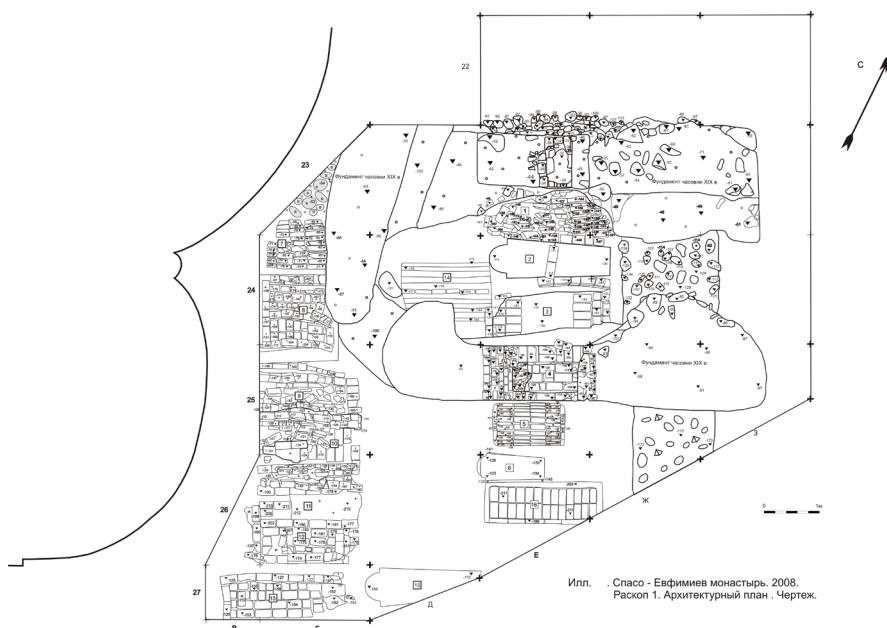

Рис. 10. План склепов в восточных компартиментах южной галереи храма Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре. Чертеж С.Г. Шуляева по результатам раскопок 2006 г.

находки керамики дьяковского и раннеславянского времени в кладбищенском перекопе Данилова монастыря. Пример второго рода – шейный позвонок (атлант), найденный внутри опорного сооружения 1909 г. на месте разрушенной в 1936 г. могилы Н.В. Гоголя в том же Даниловом монастыре (возможно, он оставлен при нарушении погребения в 1909 г).

Обнаружившиеся в верхних слоях кладбища фундаменты отдельных памятников при их появлении наносят на общий план, но расчищают и подробно фиксируют, обычно только опустившись до уровня их подошвы целиком. Желательно определить, с какого уровня они были опущены в момент сооружения, – это обозначит поверхность кладбища на момент функционирования (рис. 11).

Если не планируется в дальнейшем укреплять старые основания и помещать на них надгробные памятники, то фундаменты можно при продолжении раскопок демонтировать, тщательно изучив использованный кирпич и камень (среди камней часто попадаются обломки старых плит, в том числе с надписями, архитектурные детали и т.п.). Если встречены целые надгробия, лежащие на своих местах (на кладбищах крупных монастырей это нередкий случай), их следует полностью обмерить и зафиксировать *in situ*, до снятия с места. Также может быть принято решение могилу не вскрывать и надгробие не переносить, если в дальнейшем ожидается музеефикация ИН и перенос не требуется по причинам технического характера.

Рис. 11. Уровень склепов и саркофагов в погребальной палатке князей Пожарских и Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре. Чертеж О.А. Тиховой.

Если возможно выделить могильные ямы в верхних слоях ИН хотя бы после зачистки второго или третьего «штыка», их края следует зафиксировать на плане (что позволит лучше разобраться в их последовательности) и продолжить вскрытие по всей площади по «штыкам», с фиксацией плана после каждого «штыка» вплоть до выхода в уровень погребенного дерна или материка. После этого можно переходить к вскрытию отдельных ям начиная с более поздних (на тесном и долго использовавшемся для захоронений участке поверхность материка обычно перекопана полностью, и переходить к расчистке погребений приходится просто по мере обнаружения костяков). Найденные при просмотре слоя артефакты и биологические объекты фиксируются и шифруются обычным при раскопках образом.

Выборка могильных ям на ИН производится по традиционной методике, однако разрез ямы, обычно поперечный, фиксируется по мере углубления, «накапливаясь» после каждого штыка. Кирпичные «склепы» сохраняются на месте по крайней мере до момента, когда удастся выйти на их подошву по всей ширине раскопа, после чего их нужно обмерить (используя принятые для обмера малых архитектурных форм приемы), описать и сфотографировать, только после этого приступая к вскрытию.

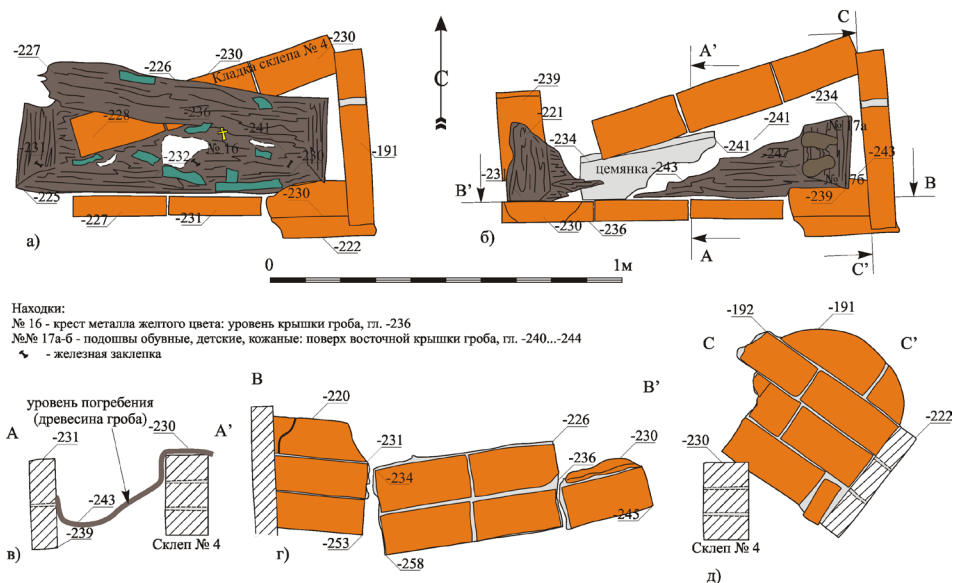
В «склепе» или в грунтовой могиле часто сохраняется гроб (деревянный – дощатый или колода, или, для XVIII–XIX вв., металлический). Если сохранность допускает его изъятие из могилы целиком, это желательно осуществить и дальней-

шие исследования проводить на специально подготовленном невысоком столе, под навесом или в помещении. Как правило, однако, сохранность этого не позволяет. Тогда гроб исследуют на месте, углубившись по сторонам от него (если это допускают обстоятельства работ и задачи исследования) и используя как стол выкладку дна «склепа».

Перед тем как вскрыть, гроб следует всесторонне изучить, описать и обмерить снаружи, фотографируя как можно больше деревянных, металлических и текстильных деталей его декорации. Затем, при наличии технической возможности, снимается верхняя крышка и производится первичное описание и фотофиксация заполнения. Дальнейшая работа ведется в зависимости от состояния погребения и рекомендаций ведущего антрополога, присутствие которого при вскрытии и прямое руководство изъятием антропологического материала – совершенно необходимое условие работы с историческими погребениями. Обычно ведущему антропологу ассистируют его коллеги, аспиранты или студенты, но если нет возможности их привлечь, эту роль исполняют специально проинструктированные археологи.

Аналогичным образом для разборки остатков текстиля одежды и ее фурнитуры из любых материалов (металла, кости, кожи, стекла или пр.), украшений, книг и прочего погребально инвентаря крайне желательно пригласить профильных специалистов, обладающих опытом реставрации соответствующих материалов, или просто профессиональных реставраторов, доверив им руководство процессом под контролем научного руководителя работ, держателя Открытого листа. Все полученные объекты фотографируются и на месте, и сразу после изъятия из погребения, с соблюдением обычных методов фиксации находок. Затем они шифруются, снабжаются этикетками и отправляются на полевую расчистку и/или консервацию. Их методы также определяет реставратор под контролем научного руководителя работ и при участии (по необходимости) представителя заказчика. После расчистки и консервации они вновь фотографируются в камеральных условиях. Фиксационные фотографии (в том числе и после консервации, если она завершена до сдачи отчета) включаются в отчет.

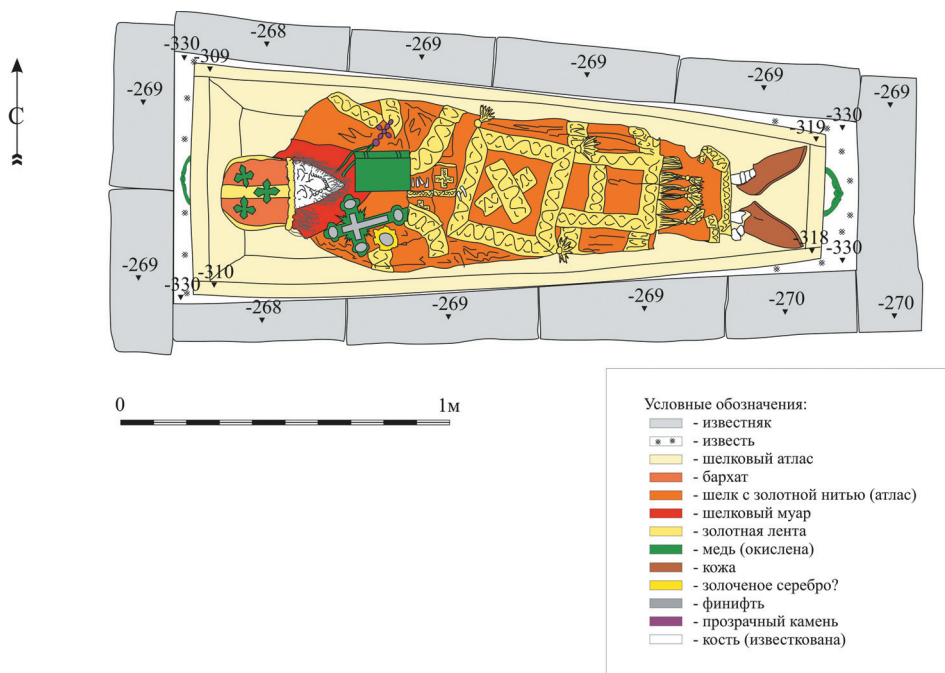
Графическая и обмерная фиксации погребений ИН также имеют особенности, не учтенные общими методическими инструкциями. В случае хорошей сохранности погребения (естественная или искусственная мумификация останков; сохранившиеся текстильные изделия и другие органические материалы, включая книги или бумаги; предметы из металлов и иные) нужно в первую очередь составить ситуационный план и план находок (инвентарный план). В отношении склепа и гроба допустимо ограничиться схематическим обмером и вычерчиванием их фасов и разрезов (рис. 12). Обмер должен давать возможность представить размеры и разрезы «склепа» и гроба, взаимное размещение их элементов (расположение ручек и накладок, обивок и т.п.); позицию всех вещей, обнаруженных в погребении; их соотношение с элементами одежды, украшениями, костными останками.

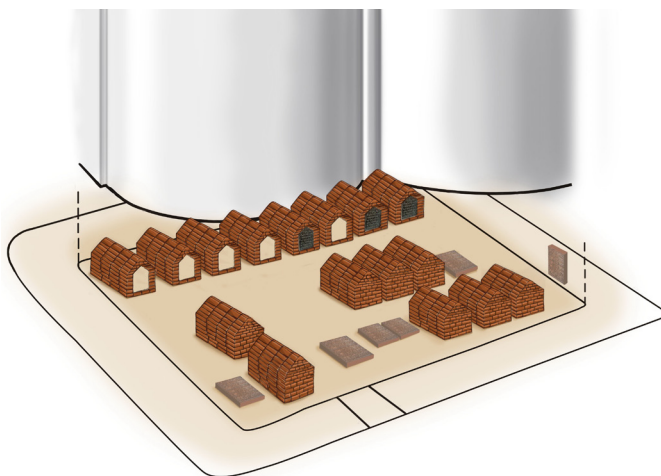
Рис. 12. Два склепа рубежа XVIII–XIX вв. Данилов монастырь, раскопки 2006 г. Обмер и чертеж: С.Г. Шуляев.

При обмере исторического погребения следует особо сосредоточиться не на рисовании отдельных предметов с их бесчисленными подробностями, а на планиметрической точности, продуманности схем, которые позволят понять положение каждого элемента в пространстве и относительно других элементов, а также отметить особые черты исследовательского процесса, например, взятие тех или иных проб для дальнейших анализов. Вопрос о функциональной атрибуции предметов обычно не стоит, она очевидна из исторического контекста. Поэтому их отражение в археологической графике допустимо самое общее, не претендующее на исчерпывающую точность, присущую археологическому рисунку как таковому¹⁴. На основе таких обмеров возможно, для отчета и для публикации, исполнение реконструктивных графических схем, например такой, как схема размещения одеяний и литургических предметов в погребении архиепископа Никифора (Феотоки) (рис.13) или схема устройства уникальных «склепов»-нагробниц из усыпальницы князей Пожарских (рис.14, 15).

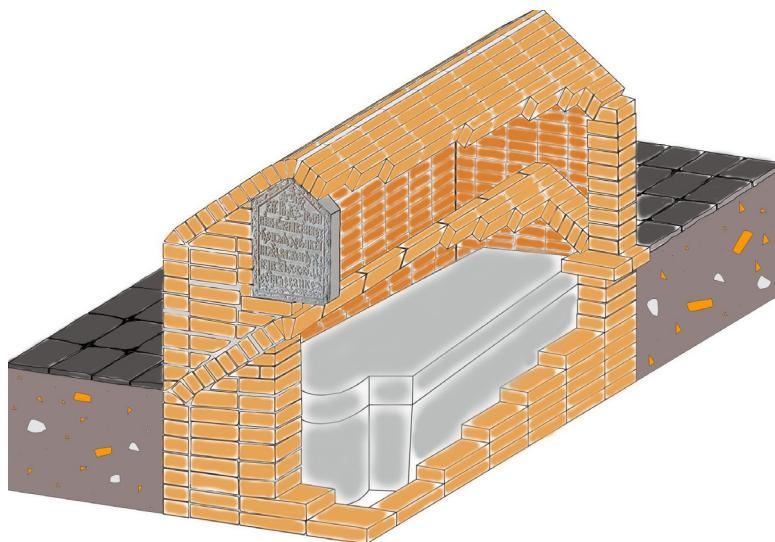
¹⁴ Подробные рисунки спасают в том случае, когда фото и вещи по каким-то причинам утрачены или если рисунок может отразить детали, недоступные фотографии, но необходимые для понимания устройства предмета или особенностей его технологии, особо сложной цветовой гаммы и т.п.

Рис. 13. Погребение архиепископа Никифора (Феотоки), 1800 г. Данилов монастырь, раскопки 2006 г. Обмер и чертеж: С.Г. Шуляев.

Рис. 14. Нагробницы в интерьере родовой усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Аксонометрическая реконструкция О.А. Тиховой по материалам раскопок 2008 г.

Рис. 15. Кирпичный свод с саркофагом князя Д.М. Пожарского и опирающаяся на него надгробница. Аксонометрическая реконструкция О.А. Тиховой по материалам раскопок 2008 г.

Подробности, необходимые для понимания устройства и датировки отдельных объектов, будут раскрыты в лабораторных условиях, в ходе очистки и реставрации. Для этого уже потребуются подробное описание и всесторонняя фотосъемка, а если их недостаточно – то и камеральная отрисовка, применение реконструктивной компьютерной графики или трехмерной модели (пример: реконструкция лица по черепу).

Отрисовка, описание, фотофиксация и последующая аналитика антропологических материалов здесь не характеризуются и требуют особой методической разработки.

3.5.4. Анализы и экспертизы

Анализы и экспертизы составляют центральную часть процесса идентификации погребения. Это длительная работа, не всегда заканчивающаяся и через годы. Ее проводят: (1) в процессе раскопок; (2) в ходе подготовки отчета (на основе обработки взятых образцов, реставрации и более пристального рассмотрения находок); (3) после передачи находок на музейное хранение и сдачи отчета; (4) в ходе подготовки итоговой публикации. Состав анализов и экспертиз определяется ситуационно, по мере необходимости. Так, историко-культурная экспертиза предметов из погребения Никифора (Феотоки) потребовала до 10 заключений, для составления которых были привлечены не менее 20 специалистов из разных областей знания. Экспертизы включали: сложный анализ облачений, технологический (текстиль, крой, шитье) и историко-церковный (форма и назначение одежаний); стилиевой анализ эмалевой живописи; атрибуцию металлических ювелирных изделий церковного назначения (наперсные кресты, панagia,

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Евангелие. 8^е, XVIII век.
Книжный блок цементирован.
Переплет отделен от блока, доски в коже.
Происхождение: некрополь Свято-Данилова монастыря в Москве.

Евангелие из некрополя Данилова монастыря, представляет собой цементированный блок, страницы не различимы, на развороте просматриваются сразу несколько страниц (наложены друг на друга, части утрачены), хорошо видны фрагменты орнамента (заставки) и иллюстрации, выполнены в технике ксилографии. В развороте фрагменты листов левой стороны перевернуты.

По внешним признакам характеру орнамента книга относится ко второй половине XVIII в. Несмотря на утраты, число строк наборной полосы удалось примерно установить – 27-28. Важным декоративным элементом и хорошо заметным в представленной книге является линейная рамка на страницах.

Данные Сводного каталога указывают только два издания, которые вышли во второй половине XVIII в. и соответствуют представленной книге. Это издания Нового Завета в двух частях 1783 и 1797 гг. (№№ 1017, 1238). Первая часть этих изданий содержала Евангелие. В них наборная полоса в 28 строк, страницы в линейных рамках.

Уточнить датировку издания оказалось возможным по фрагменту гравюры (верхняя левая часть), на котором изображен архитектурный интерьер с характерной капителью и частью драпировки. Эта гравюра достаточно точно соответствует иллюстрации с изображением евангелиста Матфея в издании: «Новый Завет». Москва, VIII, 1797. По материалам диссертационного исследования Л.Н. Васильевой «Книжная гравюра в изданиях кириллической печати Московской Синодальной типографии XVIII – XIX веков» (СПб., ИЖСА им И.Е. Репина РАН, 2004) доски для иллюстраций этого издания были награвированы в 1790-е гг.

Представленная книга из некрополя Данилова монастыря является первой частью издания Нового Завета, Москва, VIII, 1797 (№ 1238).

Доктор искусствоведения,
старший научный сотрудник РГБ
Хромов Олег Ростиславович

Подпись *Хромов О.Р.* удостоверяю
Ученый секретарь
Российской Государственной библиотеки

Кандидат филологических наук,
зам. директора по научной работе МГОМЗ
Верховская Елена Александровна

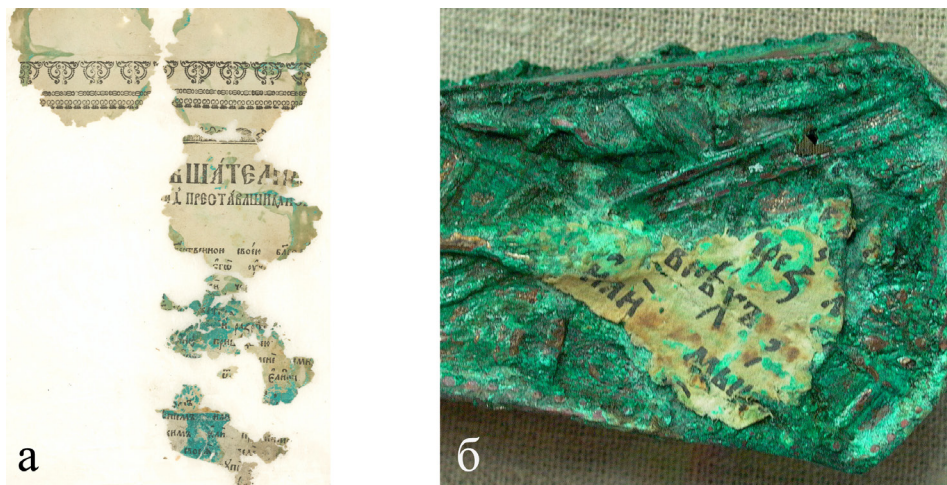

Верховская Е.А.
В. с. с. с. А.А.А. - М.М. Антипина

Рис. 16. Акт экспертизы остатков книги церковной печати из погребения архиепископа Никифора (Феотоки).

книжный переплет и др.); атрибуцию книг церковной печати (рис. 16); анализ печатных текстов молитвенного характера (рис. 17, а, б); анализ церковных и светских знаков отличия и др. По каждой экспертизе, которая осуществлена профильным специалистом или группой профессионалов, представляется отдельное заключение, удостоверенное подписью и, если возможно, печатью института, в котором проводились анализы.

При раскопках ИН необходимо постоянное присутствие специалиста-антрополога, в том числе – для участия в процессе расчистки и извлечения останков, их первичной экспертизы и дальнейшего обмера, детального фотографирования, описания и взятия проб для анализа. Эта работа должна быть обеспечена всеми необходимыми приборами и материалами, состав которых эксперт определяет сам. При возможности желателен отбор проб для радиоуглеродного анализа и других физико-химических исследований (грунта, тканей и пр.), которые определяются исследовательским коллективом после консультаций со специалистами.

Рис. 17. Печатная грамота (вторая половина XVIII в.) с разрешительной молитвой из погребения архиепископа Никифора (Феотоки) в Даниловом монастыре: а – остатки грамоты в ходе реставрации; б – фрагмент грамоты, сохранившийся благодаря окислам металла на основании напрестольного креста.

Методы работы представителей естественных наук на ИН – задача отдельной методической разработки. Данное пособие направлено на совершенствование традиционных методов историко-археологического характера, поэтому оно исходит из признания их примата. За результаты исследования и конечные выводы несет ответственность держатель Открытого листа – археолог. Поэтому он должен быть в состоянии проверить и сопоставить результаты отдельных экспертиз. Однако арсенал естественнонаучных методик в настоящее время слишком развит для того, чтобы всестороннюю проверку проводил сам археолог. Он, как правило, не в состоянии овладеть этими методиками лично и, применяя их, вынужденно покидает сферу достоверного (проверяемого им самим) знания.

Современная практика дает слишком много примеров обнародования не только ошибочных, но и «ангажированных» идентификаций, в которых принимали участие представители естественных наук (антропологи-судмедэксперты, биологи, биохимики и др.). Конечно, ошибки и подтасовки отнюдь не редкость и в области археолого-исторических методик, но они гораздо заметнее профессионалам и потому не так опасны, их легче выделить, проверить и отвести, используя доступные нам методы критики источников. Следуя в практике идентификации принципу построения системы доказательств с помощью методик, разработанных, признанных и проверяемых в рамках истории и археологии, исследователь избегает и опасности фальсификации выводов.

3.5.5 Завершающий этап исследований; составление отчета; публикация результатов

Завершающий этап исследований на ИН связан с особой ответственностью, поскольку от него зависит не только научный результат, но и общественная оценка работы археологов. На этом этапе по-прежнему важно соотносить действия исследователей с гражданским законодательством и административными документами (по отношению к кладбищам и погребениям пока крайне мало разработанным), а также с общепринятыми моральными («традиционными») и церковными нормами и правилами.

В задачи завершающего этапа входит: регенерация участка; расчистка, лабораторная фиксация и научный анализ собранных находок; перезахоронение собранных останков; передача находок на хранение; подготовка ежегодных отчетов.

Регенерация участка является общим требованием к археологическим исследованиям, но на территории кладбища она должна исполняться с особой полнотой и аккуратностью (рис. 18). Исключительно важно также правильно организовать перезахоронение. Если работы ведутся на церковном участке, на территории монастыря или иной религиозной общины, клир или власти обители обычно берут на себя организацию необходимых поминальных служб и сами их проводят. Перезахоронение совершается ими совместно с руководителем исследовательского проекта и его участниками (по их желанию). Перезахоронение должно фиксироваться фотографически, и о нем желательно составить специальный акт. Если раскопки ИН проводятся в зоне, где не планируется ни нового кладбища или церковного участка, ни музея, – перезахоронение следует организовать при любом другом доступном для этого церковном участке с участием представителей духовенства соответствующей конфессии.

Перезахоронить следует все собранные антропологические материалы, кроме отобранных для хранения в специальных депозитариях антропологических институтов и музеев. Для отбора таких образцов необходимо получить согласие общины и/или группы лиц, воспринимающих себя как потомков погребенных или действительно, согласно официальным документам, являющихся таковыми. В последнем случае вступают в действие юридические нормы, которым руководитель работ обязан следовать.

Все действия, связанные с регенерацией участка работ, перезахоронением останков, передачей находок и возможной музейфикацией или мемориализацией участка (отдельного погребения), должны фиксироваться с помощью фотографий, киносъемки и закрепляться актами или совместными протоколами.

В случае желания религиозной общины хранить останки в качестве реликвий (открыто или под спудом), их передачу следует оформить протоколом или актом во избежание в будущем претензий к исследователям. Считается возможным перезахоронить вместе с останками часть предметов, которые не подлежат реставрации и музейному хранению (остатки гробов и части их оформления; часть обличий и костюмов и др.). Решение об этом принимает руководитель исследований, что фиксируется в дневнике, актах и отчете. Другие предметы, сопровождав-

Рис. 18. Участок могилы Н.В. Гоголя после регенерации. Место могилы выложено гранитными торцами. Данилов монастырь, весна 2008 г.

шие погребения, также могут быть перезахоронены по просьбе представителей заказчика (религиозной общины, администрации музея или кладбища, потомков погребенных), однако все вещи должны быть предварительно изучены, зафиксированы и проанализированы, а об их перезахоронении обязательно составлен акт. Остальные вещевые материалы (включая малые архитектурные формы), собранные на историческом некрополе, должны быть переданы в государственный музейный фонд. Если община стремится создать собственный музей и хранить собранные вещи, она сможет это осуществить путем контактов с администрацией соответствующего музея или органами охраны памятников.

После завершения работ исследовательская группа может поставить вопрос не только о регенерации участка, но и о виртуальном восстановлении некрополя и натурной визуализации его частей. Для этого она составляет проектные предложения, которые представляются в органы охраны культуры, в музей, в религиозную или иную организацию, в ведении которых находится ИН. Открывается и перспектива для продолжения научной работы: культурно-стилевой оценки; анализа социального состава погребенных и просопографии (всестороннего изучения круга связей и биографий); иконографии памятников.

Археологические исследования ИН считаются завершенными только после подготовки итогового отчета, который должен быть опубликован. При этом следует руководствоваться определенными правилами.

Итоговый отчет может быть авторской или коллективной публикацией в форме серии статей в периодическом издании или монографии под общей редакцией руководителя проекта (держателя Открытого листа). Итоговый отчет должен в обязательном порядке включать все или подавляющее большинство экспертиз, которые завершены к моменту публикации. Скорость проведения экспертиз различна, а противоречия в выводах между экспертизами отдельных направлений, также как между ними и общей историко-археологической трактовкой, естественны и для ученых практически неизбежны. Поэтому предварительно нужно осуществить процедуру их согласования или составить комментированные «особые мнения». Если противоречия не удастся снять, такие мнения следует включить в готовящееся издание в качестве приложений.

Если итоговые результаты публикуются в форме статей в периодическом издании, желательна одновременная (в одном номере, выпуске) публикация серии статей. Публикация результатов отдельных экспертиз до выпуска коллективного труда возможна, но нежелательна и должна осуществляться только с ведома и одобрения руководителя проекта. На руководителе проекта лежит ответственность за получение всего пучка экспертиз, организацию их предварительного обсуждения и своевременную публикацию. Как и при работе на других типах памятников, итоговая публикация должна быть подготовлена в обозримый период после завершения работ или одного из их циклов, желательно – в пределах 5 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед археологическим исследованием ИН открываются новые перспективы, затрагивающие область религиозной и региональной истории, восстановления и охраны памятников, отчасти – их дальнейшего использования. Это область прикладной истории и развития культуры памяти.

Исследования ИН имеют значение и для развития методов исторической науки: реконструкция прошлого как род научного эксперимента должна формировать свой инструментарий, опробовать его и достичь верификации именно в области сравнительно недавнего прошлого. Именно там удастся привлечь надежные источники всех видов (письменные, иконографические, археологические и другие) и опробовать методы их перекрестного критического анализа.

Научившись решать на позднем материале конкретные задачи, в числе которых идентификация останков исторических личностей, связанная с ней реконструкция элементов погребального обряда и восстановление структуры некрополей, история получит исключительно надежный инструмент и модель исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, 2008 – Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород, 2008.

Артемьев, 1999 – Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999.

Арьес, 1992 – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Баранова, 2010 – Баранова С.И. Поливные черепицы в монашеском погребении Московского Сретенского монастыря // РА. 2010. № 1.

Беляев, 1994 – Беляев Л.А. Пиала из Свято-Данилова монастыря // Родина. 1994. № 9.

Беляев, 1996 – Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

Беляев, 2005а – Беляев Л.А. Сакральная топография Москвы: храм – кладбище – город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М., 2005.

Беляев, 2005б – Беляев Л.А. «Гробы повапленные». Образцы аллегорических композиций конца XVIII – XIX в. с кладбища Свято-Данилова монастыря в Москве // Живая старина. 2005. № 1.

Беляев, 2005в – Беляев Л.А. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. 2005. № 4.

Беляев, 2006 – Беляев Л.А., автор-сост. Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006.

Беляев, 2008 – Беляев Л.А. Персональная идентификация погребений и археология // Тр. II (XVII) ВАС в Суздале. Т. II. М., 2008.

Беляев, 2009 – Беляев Л.А., ред. Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.

Беляев, 2010а – Беляев Л.А. Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: новый этап историко-археологических исследований // Исторические записки. 2010. Т. 13 (131).

Беляев, 2010б – Беляев Л.А. Погребение церковного иерарха в Московском Даниловом монастыре // Живая старина. 2010. № 1.

Беляев, 2010в – Беляев Л.А. Из глубины веков // Наука в России. № 6 (ноябрь–декабрь). М., 2010.

Беляев, 2011 – Беляев Л.А. Могила Н.В. Гоголя в Даниловом монастыре // Даниловский благовестник. 2011. № 20.

Беляев, 2012а – Беляев Л.А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источники // Богословский вестник. Вып. 5: История и теория христианского искусства. М., 2012.

Беляев, 2012б – Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках. Историко-археологические исследования. М., 2012.

Беляев и др., 2007 – Беляев Л.А., Бужилова А.П., Петров А.Е. Патриотический скелет в народном шкафу. Опыт фальсификации с помощью археологии и судебной криминалистики // Родина. 2007. № 8.

Беляев и др., 2010а – Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И. Надгробия игуменнии Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. № 2.

Беляев и др., 2010б – Беляев Л.А., Смирнов С.А., Шуляев С.Г. Археологические открытия в Даниловом монастыре за последние годы: обретение останков архиепископа Никифора Феотокиса // Даниловский благовестник. Вып. 19 М., 2010.

Булычёв, 2009 – Булычёв А.А. Несколько замечаний о русском средневековом погребальном обряде (разрешительные грамоты и их «запечатывание» как обрядовый жест) // Панова Т.Д. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т.1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009.

Душкина, 1996 – Душкина Н.О. Изучение и охрана исторического некрополя в зарубежной практике // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996.

Ермонская и др., 1978 – Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978.

Ёлкина, 2005 – Ёлкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Станюкович А.Д., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.

Ёлкина, 2008 – Ёлкина И.И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. 2008. № 2.

Ивакин, 2008 – Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. 2008. № 2.

Иванкив, 1990 – Иванкив А.В. Источники по истории московских кладбищ. М., 1990 [Дипломная работа студента курса дневного отделения МГИАИ].

Исторические кладбища, 1993 – Исторические кладбища Санкт-Петербурга / Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. СПб., 1993.

Козлов, 1996 – Козлов В.Ф. Документы по истории городских кладбищ в московских архивах // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996.

Козлов, 2008 – Козлов В.Ф. Некрополи московских монастырей в 1918 – начале 1930-х годов: хроника защиты и гибели // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008.

Комарова, 1991 – Комарова И.И. Источники литературы по провинциальным некрополям // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991.

Компанец, 1990 – Компанец С.Е. Надгробные памятники XVI – первой половины XIX века. М., 1990.

Макаров, 1981 – Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.

Молодин, 2007 – Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007.

Московский..., 1991 – Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991.

Московский..., 1996 – Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996.

Некрополь, 1897 – Некрополь // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XX А. СПб., 1897.

Николаев, 1975 – Николаев Е.В. Некрополь Донского монастыря // Е.В. Николаев. Классическая Москва. М., 1975.

Панова, 1990 – Панова Т.Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси: XI–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Панова, 2004 – Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004.

Панова, 2009 – Панова Т.Д., ред.-сост. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. В 4-х т. Т.1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009.

Папин, 2007 – Папин И.В. Тайны главного здания Вологды: археологические исследования Софийского собора // Археология Вологды. История и современность. Вологда, 2007.

Петров, 2008 – Петров А.Е. Останки Ивана Сусанина: к вопросу о методике фальсификации // Исторические записки. 2008. Вып. 11 (129).

Петров и др., 2011 – Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011.

Саитов, Модзалевский, 1907–1908 – Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1–3. СПб., 1907–1908.

Смирнов С.А., 2006 – Смирнов С.А. Некрополь. История Покровского монастыря и монастырского кладбища. Архивные и библиографические изыскания к проекту восстановления утраченного монастырского кладбища. М., 2006.

Смирнов Ю.А., 1997 – Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.

Смирнов Ю.А., 2003 – Смирнов Ю.А. Обретение и перенесение мощей святых, чтимых Русской Православной Церковью, в России с 988 по 2001 г. // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003.

Станюкович, 2001 – Станюкович А.К. Гробница преподобного Никиты Столпника, Переяславского чудотворца. М., 2001.

Трубникова, 1991 – Трубникова О.А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е годы XVI в. – 30-е годы XX в.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991.

Трутнева, 1994 – Трутнева Н.Ф. Архив Новодевичьего монастыря как источник по генеалогии российского дворянства (XVIII–XX вв.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 / Е.П. Чельшев, Д.М. Шаховской. Кн. 1. М., 1994.

Трутнева, 1996 – Трутнева Н.Ф. Александр Тимофеевич Лебедев – фотолетописец московского некрополя // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996.

Турчин, 1984 – Турчин В.С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль, иконография // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. М., 1984.

Уваров, 1910 – Уваров А.С. Работы по разысканию могилы кн. Дм. Мих. Пожарского // А.С. Уваров. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910.

Усыпальница дома Романовых..., 2005 – Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / А.Д. Станюкович, В.Н. Звягин. Кострома, 2005.

Хворостова, 2008 – Хворостова Е.Л. Часовня-сень над местом погребения преподобного Серафима Саровского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008.

Чернов, 2008 – Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря и в свете археологических исследований 2001 г. Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф и его обитель. М., 2008.

Чернов, Янишевский, 2008 – Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам исследований 2003 г. // РА. 2008. № 2.

Шилов, 2010 – Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы. М., 2010.

Шмидт, 1991 – Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991.

Шокарев, 2000а – Шокарев С.Ю. Московский некрополь XV – начала XX в. как социокультурное явление (источниковедческий аспект): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Шокарев, 2000б – Шокарев С.Ю. Некрополь как исторический источник // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.

Энговатова, 2010 – Энговатова А.В. Сведения о захоронениях на территории некрополя, расположенного с восточной стороны Духовской церкви: Захоронение архиепископа Никона (1851–1918 гг.). Захоронение епископа Кирилла (начало XVIII в. – 1744 г.). Захоронение архимандрита Леонида (1822–1891 гг.). М., 2010 г. Рукопись // Архив Института археологии РАН.

Энговатова, Зеленцова, 2005 – Энговатова А.В., Зеленцова О.В. Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. 2005. Вып. 2 (Материалы научного семинара).

Янин, 1988 – Янин В.Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988.

Arriés, 1977 – Arriés Ph. L'Homme devant la mort. Seuil, 1977.

Arriés, 1991 – Arriés Ph. The Hour of Our Death. Oxford, 1991.

Binski, 1996 – Binski P. Medieval death: ritual and representation. Ithaca; N.Y., 1996.

Bynum, 1995 – Bynum C.W. The Resurrection of the Body in Western Christianity, 200–1336. N.Y., 1995.

Cantino Wataghin, 1999 – Cantino Wataghin G. The Ideology of urban burials // Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages. Leiden; Boston; Köln, 1999.

Daniell, 1997 – Daniell C. Death and Burial in Medieval England 1066–1550. N.Y., 1997.

Decorations for the Holy Dead..., 2002 – Decorations for the Holy Dead. Visual Embellishments on Tomb and Shrines of Saints / Eds S. Lamia, E. Valdez del Alamo. Turnhout (Belgium), 2002.

Eckhart, 1981 – Eckhart L. Die Stadtpfarrkirche und Friedhofskirche St. Laurentius von Enns-Lorch-Lauriacum in Oberösterreich. Die archäologischen Ausgrabungen 1960–1966. T. 1. Dokumentation und Analyse. 1981.

Funeral Effigies of Westminster Abbey, 1994 – Funeral Effigies of Westminster Abbey / Eds A. Harvey, R. Mortimer. Woodbridge, 1994.

Geary, 1994 – Geary P.J. Living with the Dead in the Middle Ages. Ithaca; L., 1994.

Harvey, 1993 – Harvey B. Living and Dying in England 1100–1540: the Monastic Experience. Oxford, 1993.

Jones, 1984 – Jones J. How to record graveyards. L., 1984 (CBA; Rescue).

Lindsay, 2000 – Lindsay Glover S. Mummies and Tombs: Turenne, Napoleon and Death Ritual // Art Bulletin. 2000. V. 82. №. 3.

Litten, 1991 – Litten J. The English way of death. The common funeral since 1450. L., 1991.

Llewellyn, 1991 – Llewellyn N. The Art of Death. Visual Culture in the English Death Ritual c. 1500–c.1800. L., 1991.

Memory and the Medieval Tomb, 2000 – Memory and the Medieval Tomb / Eds E. Valdez del Alamo, C.S. Pendergast. Aldershot, 2000.

Panofsky, 1992 – Panofsky E. Tomb sculpture: four lectures on its changing aspects from ancient Egypt to Bernini. L.; N.Y., 1992.

Paxton, 1990 – Paxton F. Christianizing Death: The Creation of a Ritual Process in Early Medieval Europe. Ithaca, 1990.

Platt, 1996 – Platt C. King Death. The Black Death and its aftermath in late-medieval England. Toronto, 1996.

Robinson, Koontz, 1996 – Robinson D., Koontz D. Beautiful Death. Art of the Cemetery. N.Y.; L., 1996.

Spitalfields Project, 1993 – Spitalfields Project. V. 1. Reeve J., Adams M. The Archaeology: Across the Styx. V. 2. Reeve J., Molleson T. The Anthropology: the Middling Sort. York, 1993.

Weiss-Krejci, 2001 – Weiss-Krejci E. Restless Corps: 'secondary burial' in the Babenberg and Habsburg dynasties // *Antiquity*. 2001. V. 75.

А. В. Энговатова

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, КАСАЮЩЕМСЯ ПРАВИЛ ПОГРЕБЕНИЯ

1. История законодательного регулирования правил погребения в Российской империи

До середины XVII века правила погребения, охраны кладбищ и переноса захоронений регулировались исключительно церковно-каноническим правом. С эпохи первых Романовых известны отдельные царские указы, связанные с землеустройством в Москве и появляющимися представлениями о санитарных нормах, опасности заражения от инфицированных покойных и т.п. Систематическое законодательное регулирование правил погребения, переноса захоронений (эксгумации) в законодательстве России восходит к началу XVIII века и связано с законодательной деятельностью Петра I¹.

¹ Из указа XVII в.:

РГАДА. Ф. 135. Р. III. Приложение. Ед. хр. 51. Л. 1. 1676 г., октября 16

«Благословенная Грамота Патриарха Иоакима о построении в Московском уезде в дворцовом селе Измайлове вместо ветхой деревянной новой каменной церкви во имя Рождества Христова с пределами».

«...в Московском уезде в Государеве дворцовом селе Измайлове в Новой Слободе подле старые ветхие деревянные церкви построи новую каменную церковь во имя Рождества Христова да в пределах пресвятыя Бцы Казанские да Николая Чудотворца а ров копать на целых местах чтобы моровым поветрием кладбищ мертвых не было...»

Из указов Петра I:

РГАДА. Ф. 1188. Оп.1. Д. 6. Указы.

10 мая 1722: Указ из Синод. Дух. Приказа об опущении уравнительно з землею над гробами погребенных человеческих телес камнев.

15 декабря 1723: Указ из Московской Духовной Дикастерии о непогребении человеческих телес кроме знатных персон внутри градов, а о погребение в монастырях у приходских церквей вне града.

28 января 1724: Указ из Московской Духовной Дикастерии о не погребении нигде в дубовых гробах мертвых телес.

10 апреля 1724: Указ из канцелярии Духовной Дикастерии о неоставлении над погребенными при церквах мертвыми никаких будок для чтения псалтире а о чтении как в Москве, так и во всех городах и уездах и в монастырях внутри церквей в пределах или в притворах церковных.

1723. Октября 10. Именной. Объявлен Преосвященным Феодосием Синоду.

О непогребении мертвых кроме знатных персон внутрь городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквам за город.

Его Императорское Величество указал: в Москве и во всех городах мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутрь градов не погребать, а погребать их в монастырях и при приходских церквах вне градов (ПСЗРИ. Т. 7. СПб., 1830. С. 130. № 4322).

Развитие законодательства о кладбищах в Москве и провинциальных городах происходило при Елизавете Петровне и особенно при Екатерине II, в основном по отношению к Петербургу, когда было изложено в Уставе врачебном (Свод Законов Российской Империи. Т. XIII. СПб., 1892. С. 693–721). В 1868 году была создана Особая комиссия, потребовавшая устройства новых кладбищ по линиям железных дорог, не ближе 10 верст, опять-таки в основном применительно к Санкт-Петербургу. В 1871 году обер-прокурору Синода поручалось по соглашению с медицинским советом принять меры к лучшему содержанию старых кладбищ и устранению наполнения могил водой.

С конца XIX века стремление максимально удалить кладбища от города ослабло, и закон от 27.11.1889 разрешил устройство городских кладбищ на дистанции

Одна из полных версий:

Указ Его Императорского Величества и Святейшего Правительствующего Синода из Московской Духовной Дикастерии Данилова монастыря игумену Макарию.

Прешедшаго ноября 25-го дня в указе Е.И.В. из Св. Прав. Синода в М. Дух. Дик. написано: октября 10-го дня сего 723 году Е.И.В. Петр Великий... указал имянным своего Величества указом в Москве и во всех городах и... человеческих телес кроме знатных персон внутрь градов не погребать, а погребать их в монастырях и при приходских церквях вне градов и того же октября 29-го дня Св. Пр. Синод исполняя вышеобъявленный Е.И.В. имянной указ согласно приговорили как в Москве так и во всех городах человеческие телеса кроме знатных персон погребать в монастырях и у приходских церквей вне градов, а внутрь градов отныне не погребать и дабы о том никто сумления не имел объявить такое разсуждение, что от таких внутрь погребенных мертвых телес приключается воздуху повреждение, от чего бывает и тяжкия болезни и протчие тому подобные злые припадки человеческому здравью вредные. Чего для ежели которые из градских жителей и ожелают телеса мертвецов своих погребсти где внутри градов и те б опасения ради вышеозначенных вредных припадков... могилы копали в три аршинную глубину и выкладывали б оные кирпичам и сводили б над гробами кирпичные свода и сверх того насыпали землей в равность с местоположением.

Игумену Макарию о выше написанном чинить по сему о выше написанном И.И.В. указу непременно.

Секретарь Василий Павлов канцелярист Иван Нефедьев

5 декабря 1723 г. (РГАДА. Ф. 1188. Оп.1. Д. 6. Указы. Л. 235).

1722 Апреля 12. Именной. Об уравниении надгробных камней с поверхностью земли. [одно из полных названий: «Об опущении уравнительно з землею над гробами погребенных человеческих телес камнев»].

«Обретающиеся в Москве и в городах у приходских церквей, также и в монастырях, положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни, которые лежат неуравненно с землею, окопав, опустить в землю такою умеренностью, дабы оные с положением места лежали ровно; а которые о погребенных тамо известие на краях оных камней вырезано, то требующим позволить вырезать на поверхности тех камней. А ежели тех камней надлежащему уравниению будет неудобно вместе, то излишние камни употребить в церковное строение, а впредь так неуравненно с землею камней над погребенными не класть понеже те камни неуберно и неприлично положенные наносят святым церквам безобразие, и в случающемся около тех церквей хождении чинят препятствие. А когда прилучается церемониальному быть высокочестных персон погребению, тогда провождающему телеса их регулярному от войск строю и убраться по надлежащему оные камни не допускают, как то именно в прошедшем времени при погребении ближнего стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского в Георгиевском монастыре случилось, что бывший при провождении тела его строй едва с великою трудностию на приличном месте убраться возмог, что и в других местах случается: чего ради оное камней с землею сравнение от Синода учинить без отлагательства» (ПСЗРИ. Т. VI. СПб., 1830. С. 653. № 3965).

более 100 сажень «от последнего городского жилья», а сельских кладбищ – не ближе полуверсты от селения (кроме Санкт-Петербурга и Царства Польского). Закон предписал возложить надзор за устройством могил на кладбищенских священников (глубина могилы – не менее 2,5 аршина, засыпка землей вровень с поверхностью).

Русское законодательство (ст. 701 и 717 Устава врачебного) кодифицировало запрет на использование опустевших кладбищ под пашню; на строительство на кладбищах; на перенесение без особого дозволения с закрытого кладбища гробов и мертвых тел; на частное владение кладбищем (кладбища, устроенные на общественной земле, переставали быть собственностью городского или сельского общества, но в административном отношении подлежали ведению духовного начальства); на хозяйственную эксплуатацию обществом (или духовным начальством) опустевшего кладбища, которое должно использоваться только по его назначению. Лицо, купившее место на кладбище, не приобретало его на правах собственности, но получало исключительное право пользоваться им для погребения.

Вскоре после революции 1917 года был принят Декрет СНК «О кладбищах и похоронах» (7.12.1918), которым религиозные конфессии были отстранены от контроля за похоронным делом. В 1920-х годах появились первые Санитарные нормы и правила устройства и содержания кладбищ, согласно которым кладбища не могли находиться рядом с общественными зданиями, включая храмы. Это послужило одним из поводов для уничтожения («переноса») большинства кладбищ в бывших монастырях и при церквях.

II. Современное законодательство о похоронном деле

В настоящее время в России все аспекты, связанные с похоронным делом, регулируются *Федеральным законом от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»*. Местами погребения являются существующие ранее, а также вновь отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших.

1. Все работы (в том числе земляные) на территории существующих в настоящее время мест погребений (в том числе в монастырских некрополях и на приходских кладбищах) должны проводиться строго с учетом требований современного законодательства (Федеральный закон № 8-ФЗ от 12.01.1996).

2. Статьей 4 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» устанавливается, что места погребения могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение. С учетом того, что пункт 3 части 1

статьи 99 Земельного кодекса РФ указывает, что к землям историко-культурного назначения относятся земли военных и гражданских захоронений, следует полагать, что любые места захоронений имеют историко-культурное значение. Данный вывод сделан на основании того, что цель погребения – не только обеспечить достойное отношение к телу покойного, к его личности после смерти, но и сохранить о нем память для потомков. При этом значение имеет наличие особой похоронной культуры как одной из форм общественной культуры.

Особое место занимают старые военные и ранее неизвестные захоронения. В соответствии со статьей 22 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» старыми военными и ранее неизвестными захоронениями считаются захоронения погибших в боевых действиях, проходивших на территории Российской Федерации, а также захоронения жертв массовых репрессий.

Согласно части 4 статьи 22 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» запрещаются поиск и вскрытие старых военных и ранее неизвестных захоронений гражданами или юридическими лицами, не имеющими официального разрешения на такую деятельность.

Перед проведением любых работ на территориях боевых действий, концентрационных лагерей и возможных захоронений жертв массовых репрессий органы местного самоуправления обязаны провести обследование местности в целях выявления возможных неизвестных захоронений.

При обнаружении старых военных и ранее неизвестных захоронений органы местного самоуправления обязаны обозначить и зарегистрировать места захоронения, а в необходимых случаях организовать перезахоронение останков погибших.

Воинские захоронения подлежат государственному учету. На территории Российской Федерации их учет ведется местными органами власти и управления, а на территориях других государств – представительствами Российской Федерации. На каждое воинское захоронение устанавливается мемориальный знак и составляется паспорт.

Воинские захоронения содержатся в соответствии с положениями Женевских конвенций о защите жертв войны от 12.08.1949 и общепринятыми нормами международного права.

Данные Женевские конвенции предусматривают, что останки лиц, которые умерли по причинам, связанным с оккупацией, или в заключении, являющемся следствием оккупации или военных действий, и лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они умерли в результате военных действий, пользуются уважением, и места погребения всех таких лиц пользуются уважением.

3. В соответствии со статьями 4, 6 Закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» ответственность за содержание мест захоронения, оборудование и оформление могил и кладбищ погибших при защите Отечества возлагается на органы местного самоуправления, а в части отдания воинских почестей – на органы военного управления. Сохранность воинских захоронений обеспечивается органами местного самоуправления.

В соответствии со статьей 4 Закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» *захоронение непогребенных останков погибших*, обнаруженных в ходе поисковой работы, организуют и проводят органы местного самоуправления.

При обнаружении останков военнослужащих армий других государств захоронение производится с информированием, а в необходимых случаях и с участием представителей соответствующих организаций этих государств.

Перезахоронение останков погибших проводится по решению органов местного самоуправления с обязательным уведомлением родственников погибших, розыск которых осуществляют органы военного управления.

В целях обеспечения сохранности воинских захоронений в местах, где они расположены, органами местного самоуправления согласно Закону Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» устанавливаются охранные зоны и зоны охраняемого природного ландшафта в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Выявленные воинские захоронения до решения вопроса о принятии их на государственный учет подлежат охране в соответствии с требованиями федерального законодательства.

Особое место в законодательстве занимает организация поисковой работы.

В соответствии со статьей 8 Закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» в целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших или имен пропавших без вести проводится поисковая работа. Она организуется и проводится общественными объединениями, уполномоченными на проведение такой работы.

Проведение поисковой работы в местах, где велись военные действия, а также вскрытие воинских захоронений в порядке самостоятельной инициативы запрещается.

Законом Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» установлен порядок проведения поисковой работы.

Захоронение останков погибших, выявленных в ходе проведения поисковых работ, проводится в соответствии со статьей 4 Закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», а обнаруженные неизвестные ранее воинские захоронения после их обследования, учета и регистрации благоустраиваются силами органов местного самоуправления с участием воинских частей, дислоцированных на соответствующих территориях.

Найденные оружие, документы и другое имущество погибших передаются по акту в органы военного управления по месту их обнаружения для изучения, проведения экспертизы и учета. При этом документы, личные вещи и награды погибших передаются их родственникам или в музеи, стрелковое оружие передается в органы внутренних дел. Стрелковое оружие и иные средства вооружения после приведения в состояние, исключающее их боевое применение, могут передаваться в музеи для экспонирования.

Об обнаружении взрывоопасных предметов немедленно сообщается в органы военного управления, которые в установленном порядке принимают меры по их обезвреживанию или уничтожению. Изъятие в порядке самостоятельной инициативы взрывоопасных предметов с мест их обнаружения и их транспортировка запрещаются.

В Российской Федерации деятельность организации, уполномоченной Правительством Российской Федерации на реализацию межправительственных соглашений о воинских захоронениях, регулируется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 23.11.1996 № 1397 «Об утверждении Положения о деятельности организации, уполномоченной Правительством Российской Федерации на реализацию межправительственных соглашений о воинских захоронениях».

Согласно указанному постановлению основными задачами уполномоченной организации являются:

- планирование во взаимодействии с зарубежными партнерами мероприятий, связанных с практическим выполнением межправительственных соглашений о воинских захоронениях;

- выявление мест захоронений российских (советских) военнослужащих за рубежом и иностранных военнослужащих в России;

- участие в осуществлении отвода участков земли под иностранные воинские захоронения на территории Российской Федерации;

- обеспечение содержания иностранных воинских захоронений в Российской Федерации;

- участие в обустройстве российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации;

- проведение эксгумации останков иностранных военнослужащих и передача их на родину или перезахоронение на территории Российской Федерации и другие задачи.

При этом уполномоченная организация имеет право:

- привлекать на договорных началах к проведению мероприятий в рамках заключенных межправительственных соглашений о воинских захоронениях российских и иностранных юридических и физических лиц;

- осуществлять в установленном законодательством Российской Федерации порядке ввоз на территорию России и вывоз с ее территории технических средств

и материалов, необходимых для выполнения работ, предусмотренных межправительственными соглашениями о воинских захоронениях, и другие полномочия.

4. Строительные, земляные, дорожные и другие работы, в результате которых могут быть повреждены воинские захоронения, проводятся только после согласования с органами местного самоуправления.

Проекты планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, строительных объектов разрабатываются с учетом необходимости обеспечения сохранности воинских захоронений.

Предприятия, организации, учреждения и граждане несут ответственность за сохранность воинских захоронений, находящихся на землях, предоставленных им в пользование. В случае обнаружения захоронений на предоставленных им землях они обязаны сообщить об этом в органы местного самоуправления.

В соответствии со статьей 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» создание новых мест погребения, **реконструкция действующих мест погребения** возможны при наличии положительного заключения экологической и санитарно-гигиенической экспертизы.

В соответствии со статьей 17 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» деятельность на местах погребения осуществляется в соответствии с санитарными и экологическими требованиями и правилами содержания мест погребения, устанавливаемыми органами местного самоуправления.

Согласно пункту 16.2. Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.3.1384-03 «Гигиенические требования к организации строительного производства и строительных работ» перед началом производства земляных работ на участках с возможным патогенным заражением почвы (свалка, скотомогильники, кладбища и т.п.) оформляется разрешительная документация в установленном порядке.

Согласно Санитарным правилам устройства и содержания кладбищ (утверждены 10 февраля 1977 года № 1600-77) могила после извлечения останков должна быть немедленно засыпана и поверхность почвы спланирована.

Извлечение останков умершего из братской могилы для перезахоронения не разрешается. Исключение может быть допущено лишь в случаях извлечения для перезахоронения останков всех захороненных в братской могиле по согласованию с местными учреждениями санитарно-эпидемиологической службы.

Использование закрытого кладбища или отдельного участка на действующем кладбище для вторичного погребения может быть допущено не ранее чем через 20 лет после последнего захоронения (кладбищенский период).

Вопрос об использовании закрытого кладбища для вторичного погребения должен быть согласован с местными учреждениями санитарно-эпидемиологической службы.

Территория ликвидируемого кладбища (по истечении кладбищенского периода) должна использоваться в качестве зеленого массива для общественного пользования. Ликвидация могил в этом случае, как правило, производится без вскрытия останков захороненных, путем снятия надгробий.

В отдельных случаях по прошествии полного кладбищенского периода территория ликвидируемого кладбища по согласованию с местными учреждениями санитарно-эпидемиологической службы может быть использована для других целей.

В случае необходимости ликвидации действующего кладбища необходимо вскрытие всех останков и перезахоронение их на другом кладбище с соблюдением правил по эксгумации и перезахоронению, изложенных в настоящем документе.

Ответственность за выполнение настоящих правил возлагается на органы, в ведении которых находятся кладбища.

Источники

ПСЗРИ. Т. VI. СПб., 1830. С. 653. № 3965

ПСЗРИ. Т. VII. СПб., 1830. С. 130. № 4322

РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 6.

РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 6. Указы. Л. 235

РГАДА. Ф. 135. Р. III. Приложение. Ед. хр. 51. Л. 1. 1676, октября 16

Свод Законов Российской Империи. Т. XIII. СПб., 1892. С. 693–721

Законодательные акты

Декрет СНК РСФСР от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах»

Женевские конвенции о защите жертв войны от 12.08.1949

Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»

Постановление Правительства РФ от 23.11.1996 № 1397 «Об утверждении Положения о деятельности организации, уполномоченной Правительством Российской Федерации на реализацию межправительственных соглашений о воинских захоронениях».

Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.3.1384-03 «Гигиенические требования к организации строительного производства и строительных работ»

Санитарные правила устройства и содержания кладбищ (утверждены 10 февраля 1977 года № 1600-77).

Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

Общая часть.....	5

Раздел 2

Типовые характеристики исторических некрополей как археологических объектов.....	12

Раздел 3

Основные задачи, методические принципы и особенности археологического исследования исторического некрополя.....	21

Заключение.....	39

Литература.....	40

Приложение

А. В. Энговатова

Краткие ведения о законодательстве, касающемся правил погребения	46

Беляев Леонид Андреевич

**Опыт изучения исторических некрополей
и персональной идентификации методами археологии**

Научное издание

Подписано в печать 10.10.2011. Формат 70 х 90/16

Усл.печ.л. 3,5. Уч.-изд.л. 4,6.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

ISBN 978-5-94375-119-6

